

Райское место

Автор:

Франсуаза Бурден

Райское место

Франсуаза Бурден

Novel. Чистая эмоция. Романы Франсуазы Бурден

У Лоренцо есть мечта. И благодаря наследству у него появилась возможность ее осуществить. Он ветеринар и намерен построить для диких животных уникальный заповедник, какого еще не было в Европе. Но не все его поддерживают, считая эту затею утопией. В довершение всего женщина, которую Лоренцо считал любовью всей своей жизни, пусть и решает поддержать его предприятие, но заявляет – скоро она станет женой другого. Что ж, Лоренцо всегда был сильным. Он знает, что со всем справится, даже если ему будет очень больно.

Франсуаза Бурден – одна из ведущих авторов европейского «эмоционального романа». Во Франции ее книги разошлись общим тиражом более 8 млн экземпляров. В мире романы Франсуазы представлены на 15 иностранных языках.

«Le Figaro» охарактеризовала Франсуазу Бурден как одного из шести популярнейших авторов страны.

"Очень человечный, красивый роман о сильных чувствах и экзотических местах". – Elle (France)

Отзыв редактора:

Вы только подумайте, дикая саванна в сердце Франции. Зачин нового романа Франсуазы Бурден похож на изящную фантазию – меня это сразу подкупило. Меж тем, книга оказалась действительно богата на сюрпризы. Это история о борьбе за сокровенную идею и о привязанности длинную в жизнь. Но главное, о

том, что любая наша мечта, даже самая эксцентричная, обязательно сбудется, если за нее бороться.

Франсуаза Бурден

Райское место

Моей дочери Фредерике, которая постоянно вспоминает дождливый и такой грустный день в Кочине, неумный хохот в «Турнесоле», один из водных праздников 14 июля в объятиях розового фламинго, пузырьки шампанского в «Плюм» и «Ля Корниш», медведей в Туари, греческое побережье и четырех кошек – словом, то фантастическое лето 2017 года, которое никак не забывалось, но при этом, однако, еще только предвещало грядущую фантастическую зиму.

Где-то всегда найдется бездомная собака,

которая помешает мне быть счастливой.

Жан Ануй «Дикарка»

© Волевич И., перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Франсуаза Бурден – одна из ведущих авторов европейского «эмоционального романа». Во Франции ее книги разошлись общим тиражом более 8 млн экземпляров. В мире романы Франсуазы представлены на 15 иностранных языках.

«Le Figaro» охарактеризовала Франсуазу Бурден как одного из шести популярнейших авторов страны.

"Очень человечный, красивый роман о сильных чувствах и экзотических местах".

Elle (France)

Отзыв редактора:

Вы только подумайте, дикая саванна в сердце Франции. Зачин нового романа Франсуазы Бурден похож на изящную фантазию – меня это сразу подкупило. Меж тем, книга оказалась действительно богата на сюрпризы. Это история о борьбе за сокровенную идею и о привязанности длиною в жизнь. Но главное, о том, что любая наша мечта, даже самая эксцентричная, обязательно сбудется, если за нее бороться.

Часть 1

1

– С чего это ты взял, что я одолжу тебе денег? – с ухмылкой спросил Ксавье.

И окинул пасынка презрительным взглядом с высоты своего превосходства. Этот недоумок столько лет отравлял ему жизнь, что возможность увидеть его наконец в роли просителя и отказать доставила Ксавье большое удовольствие.

– Тем более что я никогда не одобрял этот твой проект, – добавил он.

– Я не нуждаюсь в твоём одобрении, – сухо возразил Лоренцо. – Это вполне реальный, многообещающий проект, и он уже сейчас на подъёме.

– С чем тебя и поздравляю...

Поняв, что разговор закончен, Лоренцо встал, наградив Ксавье холодной, но учтивой улыбкой.

– Перед уходом я зайду попрощаться с мамой.

Повернувшись, он увидел Валера, который бесшумно вошел в гостиную. Тот наверняка слышал их дискуссию, и она его явно огорчила. Когда Лоренцо проходил мимо него, он шепнул:

– Встретимся через пять минут.

Его сводный брат вышел, и Валер обратился к отцу:

– Почему ты относишься к нему так враждебно?

– Враждебно? Да несколько! – возмущенно ответил Ксавье. – Просто я не желаю участвовать в его авантюрах. Как подумаю, что он вбухал все свое жалкое наследство в эти...

– Папа, это его личное дело.

– Предположим, что так. И, однако, я убежден, что он страдает манией величия, и этот знаменитый парк разорит его дотла.

– Ну, этого ты знать не можешь.

– Я знаю одно – что не дам на это ни гроша из своих денег. Не забывай, мне еще предстоит обеспечить твоё будущее и будущее твоих сестер. А я, когда выйду на пенсию, не желаю класть зубы на полку из-за каких-то сомнительных вложений.

Валер беззаботно пожал плечами.

– В любом случае постарайся в следующий раз обходиться с ним помягче! Ты его почти не слушал и даже чашки кофе не предложил! Обращаешься с ним, как с чужим человеком, а потом удивляешься, что...

– Я давно ничему не удивляюсь с его стороны! – взорвался Ксавье; он уже как будто раскаялся в своих словах и теперь старался оправдаться.

– Если твоя мать захочет пригласить его на ужин, я ничего не имею против.

Их с Лоренцо враждебность всегда оставалась взаимной. Желая завоевать Мод и жениться на ней, Ксавье был вынужден смириться с присутствием этого трехлетнего хорошенького, как ангел, мальчугана, но так и не смог к нему привязаться. Ему не терпелось завести собственных детей, и он предоставил Мод самой воспитывать сына, однако чем больше она баловала своего первенца, тем сильнее это раздражало Ксавье. Скоро у них с Мод родилась первая дочь, потом вторая, и это очень радовало Ксавье, но он продолжал надеяться на рождение сына. Наконец на свет появился Валер, и тут уж гордости отца не было пределов. Теперь у него – родной сын, и это окончательно оттеснило Лоренцо на задний план...

Лоренцо... Это имя особенно раздражало Ксавье, подчеркивая итальянское происхождение пасынка и неприятно напоминая о первом муже Мод – Клаудио Дельмонте, погибшем в автомобильной аварии, – он всегда водил свою «Альфа-Ромео» на сумасшедшей скорости. Мод никогда не говорила о нем, однако сохранила привязанность и любовь ко всему, что напоминало ей об Италии. Так что, женившись на молодой очаровательной вдове, Ксавье поневоле пришлось заодно принять и воспоминания, которые она хранила в глубине души, и этого совершенно ненужного ему ребенка. Взрослея, Лоренцо становился похожим на героя-любовника и при этом демонстрировал весьма твердый характер. Очаровательный малыш с черными кудряшками и голубыми глазами превратился в красавца-подростка, незнакомого с юношескими прыщами, а затем в блестящего, хотя и мрачноватого молодого человека, на которого западали все девушки подряд.

Ксавье с самого начала решил называть пасынка Лораном, объявив, что имя во французском стиле поможет ему лучше вписаться в их семью. Однако Мод упрямо продолжала называть сына Лоренцо, а младшие дети, очарованные экзотическим звучанием имени, подражали матери. Точно так же их интриговали ежегодные таинственные поездки сводного брата в Бальме[1 – Бальме – коммуна на севере Италии, в окрестностях Турина. Прим. перев.], где он навещал своего деда с отцовской стороны. Они никак не могли понять, почему этот дед живет один в старом деревенском доме со своими кошками – вот уж оригинал! По возвращении Лоренцо почти ничего не говорил о нем, а на

вопросы отвечал крайне скупое, с загадочной улыбкой. Таким образом он ограждал свою итальянскую половину от саркастических реплик отчима. А матери рассказывал только, что когда он выходит из поезда на туринском вокзале, какой-то незнакомый человек, всякий раз другой, хлопает его по плечу и объявляет: «Ты внучок Этторе, верно? Иди за мной!» – и доставляет его в Бальме, к деду, который уже не может сам водить машину. Потом, в конце каждого визита, который длился всего пару выходных дней, старик фотографировал Лоренцо на свой древний «Полароид». Таким образом он мог любоваться внуком целый год, прежде чем вручить его фотографию очередному провожатому. Довольно скоро Ксавье попробовал сделать из Валера соперника Лоренцо, – он возлагал большие надежды на своего сына. Увы, Валер не был ни прилежным студентом, ни стойким спортсменом. Мечтательный, сентиментальный и довольно ленивый, он даже не думал конкурировать с Лоренцо, которым восхищался и которого искренне любил. К тому же семилетняя разница в возрасте давала ему мало шансов сравняться со старшим братом. А обе сестры – Анук и Летиция – и вовсе не знали, к какому лагерю примкнуть. Они любили отца, и даже если замечали, что он строг с Лоренцо, оправдывали его тем, что их сводный брат – упрямец. И вот доказательство: их стычки не прекращались, и на Лоренцо градом сыпались наказания, которые не всегда выглядели справедливыми. Тем не менее, если Лоренцо лишали каких-нибудь развлечений вне дома или карманных денег, если у него отнимали мобильник или блокировали компьютер, он никогда не жаловался. И, словно назло отчиму, демонстрировал блестящие школьные результаты. Сдав выпускные экзамены и получив диплом, он начал готовиться к поступлению в ветеринарную школу, притом так усердно, что набрал высший балл и попал в список принятых одним из первых. Ксавье понимал, что он несправедлив к пасынку, и временами чувствовал себя виноватым. Ему следовало бы радоваться успехам Лоренцо, но это было выше его сил. И в свое оправдание он убеждал себя, что в конечном счете оказал Лоренцо услугу: именно строгое воспитание заставило юношу хорошо учиться. Однако в глубине души Ксавье знал, что попросту не любит сына своей жены, питает к нему антипатию. Она иногда упрекала его в этом, слыша в ответ лицемерные возражения, порожденные нечистой совестью. Вот и сегодня – как верно заметил Валер – он говорил с Лоренцо свысока, слушал его объяснения вполуха, нетерпеливо ожидая, когда же тот уйдет. Ксавье заранее был уверен, что сомнительное предприятие, которым его пасынок увлекся несколько лет тому назад, рано или поздно обернется черной финансовой дырой. Да, он думал именно так. И, подавив досадливый вздох, снова взялся за газету, которую Лоренцо помешал ему читать.

* * *

– Я не смогу остаться на ужин, мама, мне еще ехать и ехать до дома.

Огорченная Мод начала было уговаривать сына повременить, но тут вмешался Валер:

– С учетом того, как его приняли, я понимаю, почему он не хочет остаться.

– Ксавье плохо с ним обошелся? – спросила Мод, заранее зная ответ.

– Он отказывается мне помочь – что ж, это его право.

– А тебе нужно много денег?

– Мои финансисты согласятся на новые инвестиции только при условии моего личного вклада, пусть даже минимального, – это будет гарантией надежности всего проекта.

– Мне очень жаль, – прошептала Мод.

– Не переживай, мама. Я обращусь к другим.

К другим... ну, конечно, как всегда, к другим, поскольку Лоренцо не мог рассчитывать на поддержку семьи. Мод точно знала, в каких выражениях ее муж станет мотивировать свой отказ: он скажет, что не верит в будущее этого парка, что Лоренцо, с его солидным дипломом, вполне способен самостоятельно справиться с затруднениями, и вообще, он самый обеспеченный из всех четверых детей. Да, разумеется... Но притом, несомненно, еще и самый целеустремленный, самый талантливый, словом – лучший. Однако Мод, конечно, поостережется сказать это вслух.

Лоренцо подошел к матери и стащил у нее из-под рук ломтик яблока, которые она раскладывала на тесте.

– Вечно эти сладкие пироги, а вот пиццы – никогда! – шутливо посетовал Валер.

Ксавье исключил пиццу из семейного меню, но покончить с домашними тортами ему так и не удалось: их обожали все. В свое время Мод переняла у Клаудио искусство выпечки на итальянский манер, и каждый раз ее изделия выглядели по-другому.

– В конце месяца я возьму несколько дней отпуска и приеду к тебе в гости, – сказал Валер брату.

– Добро пожаловать! У нас есть очаровательный двухнедельный жирафенок, ты обалдеешь, когда увидишь!

Валер прыснул со смеху при этом напоминании о своем детстве: он долгие годы не расставался с любимым плюшевым жирафом, которого Лоренцо подарил ему в один из рождественских вечеров. У Лоренцо редко водились карманные деньги, и, чтобы купить подарки, он еще с ноября начинал подрабатывать, где мог. Чаще всего он дарил родным плюшевые игрушки, брелоки для ключей или календарики. Мод благоговейно хранила все подарки сына, а Ксавье регулярно «терял» их.

– Если хочешь, я и тебя возьму с собой, – предложил Валер матери.

– Ты же знаешь: твой отец терпеть не может сидеть по вечерам один в пустой квартире, – напомнила ему Мод. – Он часто приходит усталый из своей аптеки, работа там сумасшедшая.

– Он все так же ведет битву за внедрение препаратов генной терапии?

Вместо ответа Мод хихикнула, потом сунула пирог в духовку и, обернувшись к Лоренцо, несколько секунд молча разглядывала его. Как всегда, с восхищением.

– Ты совсем исхудал, и волосы у тебя слишком длинные, – нежно сказала она. – Неужели о тебе некому позаботиться?

Лоренцо обескураженно развел руками, потом обнял мать.

– Найди все же как-нибудь время приехать ко мне, – шепнул он.

Мод очень хотелось навестить сына, он должен был это знать. Плохие отношения с отчимом сделали его замкнутым, скрытным, но под внешней оболочкой бесстрастия он оставался тонко чувствующим человеком, и они с матерью нередко думали одинаково. Странное дело: хотя Лоренцо жаждал любви, пока еще ни одна женщина не смогла заставить его забыть о горьком сердечном разочаровании, пережитом в конце учебы: ему уже шел тридцать четвертый год, а он по-прежнему был одинок.

– Займись собой, милый, и, пожалуйста, будь внимателен на дороге.

Мод всякий раз повторяла эту просьбу, как мантру. Сколько раз она спрашивала себя, как сложилась бы их с Лоренцо жизнь, если бы Клаудио не разбился, сидя за рулем своей «Альфы». В то время он был очень молод, полон радостной энергии и горячей любви к своему очаровательному маленькому сыну. Смогли бы они и дальше вести счастливую, беззаботную жизнь в Италии, все втроем? Увы, гибель мужа сокрушила Мод, отняв у нее волю и силы. Судьба, которая свела ее с Ксавье, подарила бедняжке второй шанс. Но такой непохожий на первый...

Она смотрела вслед уходящему Лоренцо, потом перевела взгляд на Валера и улыбнулась ему.

– Ну а ты, мой дорогой, ты-то останешься на ужин?

– Конечно. Я же знаю: ты всегда грустишь, когда он уезжает.

– Если бы еще он не жил так далеко от нас!

– Ничего, я тебя отвезу к нему, – повторил Валер. – А папе придется смириться и провести уикэнд без тебя. Или пускай едет с нами!

И они оба рассмеялись при мысли об этом маловероятном варианте.

* * *

Несколько часов спустя Лоренцо покинул автозаправку, где залил полный бак бензина и съел безвкусный сэндвич, запив его таким же безвкусным кофе. Следующую часть ночи он гнал машину в сторону Юра?[2 - Юра?(фр. Jura) –

департамент и горный массив на востоке Франции, в регионах Бургундия и Франш-Конте. Здесь и далее прим. перев.], радуясь приближению к своим родным местам. Правда, после многокилометрового наезженного шоссе ему предстоял долгий путь по куда менее комфортным дорогам.

О Париже и об отчине он забыл сразу же, едва закрыв за собой дверь семейной квартиры, расположенной над аптекой Кавелье; зато мысли о приезде матери еще долго не давали ему покоя. Он надеялся – хотя не очень-то верил, – что Валеру удастся склонить ее на эту короткую эскападу. Сам Ксавье ни разу не снизошел до посещения зоопарка Лоренцо, но Мод приезжала на открытие четыре года назад и с тех пор каждую весну проводила там один уик-энд. Это были замечательные часы, во время которых Лоренцо демонстрировал ей свои последние усовершенствования, нововведения, очередные работы. Он постоянно улучшал качество приема посетителей и содержания животных, зная, что от этого зависит успех его предприятия.

Устав от однообразной езды, он опустил стекло, чтобы впустить в салон свежий воздух. Конечно, он вполне мог сесть в поезд или лететь самолетом, а по прибытии взять напрокат машину, но ему нравилась ночная езда, помогавшая свободно раздумывать обо всем на свете. Самые удачные мысли приходили к нему именно за рулем, в глубокой тишине. В пути он не слушал ни радио, ни CD, предпочитая размышлять над своими проектами. Этот парк был самой большой страстью и смыслом его жизни, за что он каждый день мысленно благодарил деда. Без помощи Этторе он никогда не смог бы осуществить свой замысел. Ибо то, что большинство людей сочло бы «жалким наследством», стало для Лоренцо подлинным сокровищем – девяносто гектаров пустоши, на которой ничего нельзя было ни построить, ни вырастить! Настоящая *roman'sland* [3 - *Noman'sland* (англ.) – ничейная земля.], неудобье, заросшее колючими сорняками, – словом, ничего не стоящий пустырь. Бедняга Этторе Дельмонте вложил в него все свои сбережения, надеясь разбогатеть, но вместо этого разорился вконец. Впрочем, он до самой смерти продолжал верить, что стоит только потерпеть, а потом выгодно продать свою землю, однако эта местность никак и никем не осваивалась, а зимний курорт, который мог бы открыться поблизости, в конечном счете построили в другом месте. Словом, участок как был, так и остался пустырем, вдали от города, который предпочел расти и развиваться в противоположном направлении.

Приехав туда с нотариусом деда, Лоренцо тотчас же понял, во что он превратит пустырь: теперь он мог осуществить свою самую дерзкую мечту. Он не случайно

посвятил диссертацию диким зверям, как живущим на воле, так и содержащимся в зоопарках. По окончании учебы, получив диплом ветеринара, юноша прошел стажировку сначала в заповеднике Кении, затем в парке Сан-Диего в США и, наконец, в Квебеке, в заказнике Сен-Фелисьен. А во время каникул успел еще посмотреть на белых тигров в Сингапурском зоопарке и на волков в венском Шёнбрунне[4 - Шёнбрунн – основная летняя резиденция австрийских императоров династии Габсбургов, находящаяся в западной части Вены. Там расположен самый старый в мире зоопарк.]. В результате он остался при своем мнении: повсюду животным, особенно крупным хищникам, отвели слишком мало места. А он имел в своем распоряжении целых девяносто гектаров – территорию, гораздо более обширную, чем большинство французских природных заказников. На таких просторах он мог создать нечто грандиозное.

Да, это был великий проект... который выглядел совершенно нереальным ввиду отсутствия капиталов. Лоренцо часто и подробно обсуждал его с Жюли – своей великой любовью времен молодости. Они познакомились во время учебы в Мезон-Альфоре[5 - Альфорская Национальная ветеринарная школа в г. Мезон-Альфор, в 9 км от Парижа.] и сразу же поняли, что созданы друг для друга; это была прекрасная история любви. Оба блестяще окончили Школу, но дальше избрали для себя разные пути.

Лоренцо не терпелось путешествовать, а Жюли, напротив, отказывалась покидать Францию, – она не хотела расставаться с больной матерью. Постепенно долгие стажировки, которые Лоренцо проходил в разных странах мира, надоели Жюли – слишком уж короткими оказывались промежутки между его путешествиями. Она выслушивала рассказы о его опытах, понимала его увлечение, но чувствовала себя одинокой, брошенной. Когда она решила порвать с Лоренцо, он пришел в ужас. Жюли была женщиной его жизни, он искренне верил, что несколько месяцев разлуки не смогут поставить под вопрос их будущее. И чтобы не потерять ее совсем, согласился на статус друга, однако так и не утешился. После их разрыва он перестал разъезжать по свету и попытался найти деньги для создания собственного природного зоопарка. Ему понадобились многие месяцы поисков, прежде чем его проект заинтересовал одну крупную банковскую группу, и он очертя голову бросился в эту «безумную авантюру», как ее называл Ксавье, разумеется, желчно критиковавший все начинания Лоренцо.

Ну почему бы его пасынку не ограничиться лечением кошек и собак?! Неужто он настолько разочарован своим жалким наследством, что это толкает его на

подобные нелепые поступки?! В конце концов он погрязнет в долгах и полностью разорится! Мод пыталась оправдать сына его любовью к диким животным, но Ксавье с ехидной усмешкой отвечал, что Лоренцо вполне мог бы арендовать какой-нибудь зоопарк вместо того, чтобы добиваться собственного, – ни дать ни взять капризный ребенок.

На самом деле Лоренцо всесторонне обдумал проект – разумеется, грандиозный, но способный окупить себя за несколько лет; именно это он и доказывал своим инвесторам. Его переполняла кипучая энергия, у него была масса новаторских замыслов, а главное, он твердо верил, что сумеет привлечь в свой зоопарк широкую публику, как это происходило повсюду, где посетители могли любоваться дикими зверями с близкого расстояния. Есть ли более увлекательное зрелище, чем львята, играющие с матерью, тигры, обходящие упругой поступью свою территорию перед тем, как лениво развалиться на солнышке, белые медведи, плавающие в ледяной воде, или первые неуверенные шаги жирафенка, только-только вставшего на свои длинные ножки?! Родителям семейные посещения зоопарка на свежем воздухе нравились не меньше, чем детям. Лоренцо заранее решил, что в его зоопарке не будет ни каруселей, ни других аттракционов, напоминающих ярмарочные увеселения; все внимание публики, включая самых маленьких зрителей, необходимо направить на наблюдение за жизнью зверей в природных условиях. Для этого он заимствовал все лучшее, что видел у своих конкурентов: зарисовывал их стеклянные туннели или воздушные металлические мостки, позволяющие пересекать просторные участки, населенные представителями семейства кошачьих, асфальтированные дороги, по которым люди разъезжали на открытых машинах, как рейнджеры в Южной Африке, просторную террасу, окруженную садом с экзотическими растениями, где можно было отдохнуть и перекусить; предусмотрел он также и ветеринарную клинику с превосходным оборудованием. На втором этапе работ планировалось строительство маленьких деревянных бунгало с застекленными фасадами для семейного отдыха на уик-энды.

Нормы безопасности посетителей были навязчивой идеей Лоренцо, и это помогло ему поладить со страховыми компаниями. Он смог также добиться поддержки властей региона, соблазнив их перспективой развития туризма и другими преимуществами, которые сулил его проект. А поскольку урбанизировать этот участок земли было невозможно, его владелец имел полное право отдать его под флору и фауну – разумеется, в строгом соответствии с экологическими требованиями.

И вот настал день, когда на пустошь, завещанную старым Этторе, прибыли экскаваторы и прочая строительная техника. С этого момента Лоренцо потерял покой и сон. Следить за благоустройством участка, создавать искусственные холмы, ложбины и водоемы, высаживать растения, устанавливать изгороди, частично электрифицированные, конструировать всевозможные помещения, предназначенные для животных и администрации зоопарка, – все это занимало у него круглые сутки. Долгими месяцами он с утра до вечера месил грязь, бегая из конца в конец территории, а вечера проводил с телефоном или за компьютером, договариваясь с руководителями европейских зоопарков и африканских заказчиков насчет поставки диких зверей, которыми предстояло заселить его парк в рамках соглашения об охране и воспроизведении видов, находящихся на грани исчезновения. Затем он набрал команду профессиональных ветеринаров, проведя с каждым из них долгое собеседование. Словом, проделал титаническую работу, завершившуюся торжественным открытием, которого он ждал с безумным страхом.

И публика явилась – сперва немногочисленная, но с каждым месяцем посетителей становилось все больше и больше. После неизбежных промахов и неприятностей начального периода каждый работник зоопарка свыкся со своими обязанностями, и дело пошло. Тем не менее Лоренцо не терял бдительности: вставал на рассвете в неизменной готовности все проверить, за всем уследить. Он был основателем и директором зоопарка и прекрасно сознавал, что на нем лежит огромная ответственность, а за любую промашку отвечать придется именно ему.

В прошлом году судьба преподнесла ему сюрприз, одновременно и горький, и приятный: Жюли, которую он не видел со времени их разрыва, опять возникла в его жизни. Она случайно наткнулась на объявление Лоренцо, напечатанное в специальном журнале: он искал ветеринара для своего зоопарка. Жюли была готова сотрудничать с Лоренцо, ее манила возможность многому научиться рядом с ним. С тех пор как они расстались, она успела поработать в нескольких местах по найму, не желая открывать собственный кабинет. И как раз в тот момент, когда закончился срок ее временного договора в Венсенском зоопарке, перед ней открылись новые горизонты – вот уж поистине счастливое совпадение! Разумеется, Лоренцо дрогнул. Они договорились о заключении контракта, который предусматривал одновременно практическую работу и, частично, обучение. Все это они решили по телефону, и через три недели Жюли появилась в новом зоопарке.

Для Лоренцо эта встреча стала шоком. Жюли была еще красивее, чем в его воспоминаниях, – теперь она расцвела и обрела уверенность в себе. Она коротко остригла свои каштановые волосы, но фигура осталась прежней – тонкой и стройной, а большие темные глаза не утратили юного блеска. В тот день она надела облегающие джинсы, розовую блузку и голубой пиджачок; в сочетании с теннисными туфлями этот наряд очень молодил ее. Лоренцо показал ей свой парк, едва сдерживая волнение, вызванное тем, что она рядом, затем пригласил на ужин. Им не терпелось рассказать друг другу, как они жили все это время. Лоренцо, снова покоренный ее обаянием, уже был готов признаться ей в этом, но тут она объявила, что будет счастлива считать его другом – на что он, впрочем, согласился еще при их последнем объяснении, хотя у этой дружбы оказался короткий век, поскольку они сразу потеряли друг друга из виду. Жюли объявила, что их юношеский роман ни в коем случае не должен влиять на профессиональные отношения, хотя она и надеется, что они будут теплыми. Она готова полностью посвятить себя работе в ожидании новой любви. Жюли говорила все это с улыбкой, словно иронизируя. Потом, вдруг посерьезнев, призналась, что ей горько видеть, как проходят годы, а она до сих пор не знает, удастся ли ей обрести семью, иметь детей. Ее мать скончалась после долгой болезни три года назад, и Жюли иногда с болью ощущала свое одиночество. Вот почему она в последнее время так часто меняла места работы. Она сомневалась, что ей хочется оседлой жизни, – может быть, стоит, по примеру Лоренцо, для начала поездить по свету, – но пока работа в его зоопарке была для нее удобным компромиссом.

Слушая Жюли, Лоренцо с горечью убедился, что больше не интересуется ее как мужчина. Былой возлюбленный остался только в ее воспоминаниях о студенческих годах, а теперь она видела в нем только друга и собрата по профессии. Лоренцо умел достойно проигрывать: ему удалось скрыть свое разочарование, он заставил себя держаться с Жюли по-дружески, и только. Таким образом, первые месяцы их сотрудничества прошли вполне благополучно. Жюли быстро осваивала все новое и даже упрекала себя в том, что прежде не интересовалась дикими животными в отличие от Лоренцо; вместо этого она сидела «как пришитая» в Париже, чтобы не оставлять в одиночестве больную мать. И теперь она восхищалась сообразительностью обезьян или умом слонов, слегка побаивалась крупных кошек и волков, внимательно прислушивалась к советам других ветеринаров. Не прошло и двух месяцев, как Лоренцо передал ей часть своих обязанностей, что позволило ему полностью посвятить себя руководству парком. Тем не менее он присматривал за ее работой, но Жюли это совсем не обижало. Во время утренних совещаний с ветеринарами и смотрителями она предоставляла ему составлять и записывать на настенных

досках новые распоряжения и никогда не оспаривала их.

Словом, все шло хорошо... вплоть до того времени, когда Жюли начала слишком часто улыбаться и шутить, разговаривая со старшим смотрителем Марком, который руководил бригадой из пятнадцати человек. Это был высокий сорокалетний атлет, опытный работник. Лоренцо нанял Марка еще на стадии строительства зоопарка, привлеченный его невозмутимым спокойствием, серьезностью и прекрасными рекомендациями. Марк обожал свою работу, отлично выполнял ее и не жалел времени на терпеливые разъяснения подчиненным. Когда их с Жюли private беседы стали слишком частыми, Лоренцо понял, что они нравятся друг другу. Продолжение не замедлило себя ждать: она и Марк начали встречаться.

Видеть, как женщина, которая несколько лет назад разбила ему сердце и которую он до сих пор втайне любит, поддается обаянию другого мужчины, стало для Лоренцо мучительным испытанием. Он, конечно, воздержался от всяких комментариев, не возненавидел Марка, не стал обижаться на Жюли. И даже не старался избегать их, когда они вместе, под ручку, уходили с работы в конце дня. Но это не мешало ему чувствовать себя несчастным. Ведь он так надеялся когда-нибудь снова завоевать Жюли! Мечтал, обещал себе это, уповал на то, что сотрудничество поможет им вновь сблизиться. Ему даже в голову не приходило, что она может оказаться в объятиях другого. Но вот теперь ему приходилось ежедневно видеть их вместе, и ему оставалось только одно – изображать безразличие и молчать.

Молчать точно так же, как он часто делал в юности и как приходилось молчать даже теперь, когда он повзрослел и отвоевал у судьбы свою мужскую свободу.

* * *

Валер пригубил вино и кивком выразил одобрение официанту.

– Тебе наверняка понравится, – сказал он сестре.

Он заказал «Кондриё»[6 - Французское белое сухое вино, богатое сложными ароматами.], охлажденное и ароматное, чтобы доставить удовольствие Летиции, не любившей красные вина.

– Помоги мне уговорить маму, – продолжал он. – Она очень хочет поехать со мной, да и пора бы ей немного проветриться. Но папа, конечно, ворчит – впрочем, он ворчит всякий раз, когда речь заходит о Лоренцо.

– А как там Лоренцо?

– В прекрасной форме – так мне показалось. По-прежнему изыскивает там и сям деньги для зоопарка и по-прежнему одинок.

– Да, он влюблен только в своих зверей, – со вздохом ответила сестра.

– И еще в тысячи посетителей, проходящих через его зоопарк.

– Увы, они приезжают семьями, одинокие женщины там не бывают.

Она дважды отпила из бокала и приступила к морскому языку.

Брат и сестра раз в месяц обедали вдвоем в ресторане. Там, вдали от родительских ушей, они могли свободно говорить обо всем на свете. Конечно, о Лоренцо и об их сестре Анук, которая успешно делала карьеру шеф-повара, а также о своих личных делах. Летиция получила диплом доктора фармацевтики[7 - Соответствует принятой в России ученой степени кандидата наук.] после шести лет усердных занятий; эту специальность она освоила без особого желания, просто чтобы доставить удовольствие отцу. Хотя работа ей, в общем-то, нравилась, она нашла себе место подальше от отцовской аптеки, в другом квартале Парижа. Там она жила с симпатичным парнем по имени Ян, преподавателем истории в лицее, и пыталась – пока безуспешно – завести ребенка. И хотя эта неудача не мешала ей радоваться жизни, в ее глазах угадывалась легкая, едва заметная тревога.

– Папа снова начал ко мне приставать, – бросила она. – Упрекает в том, что я отказываюсь взять на себя его аптеку, когда он выйдет на пенсию, даже слышать об этом не желает.

– Значит, он опять за свое?

– Ну, ты же знаешь, какой он упрямый.

– Да, что есть, то есть! Но ты держись, не уступай ему. Представляю, что это за мука – передача власти; да он не оставит тебя в покое до последнего вздоха.

– Я вообще не собираюсь приобретать аптеку. Слишком уж это сложно и дорого. Особенно здесь, в Париже. Ян мечтает о назначении в провинцию, в районе Бреста; он спит и видит, как бы ему перебраться в свою любимую Бретань.

Летиция любила подшучивать над этим пристрастием Яна; тем не менее он приобщил ее к прелестям своего родного края, и она была готова ехать туда вместе с ним.

– А я, значит, останусь посередине между сестрой на северо-западе и братом – на юго-востоке? – с притворным возмущением воскликнул Валер. – Веселенькая же у меня будет жизнь! Слава богу, что Анук не планирует никуда переезжать.

– В один прекрасный день она тоже это сделает, можешь мне поверить. В конце концов решит завести собственное дело и по такому случаю обоснуется где-нибудь в провинции.

Они раз и навсегда договорились, что не станут обедать в ресторане, где в данный момент работала Анук и где ее уже знали как молодого и перспективного шеф-повара.

– Так, значит, у мамы только я один и останусь, чтобы хоть как-то ее развлекать, – вздохнул Валер.

Несколько минут он задумчиво глядел на Летицию. Казалось бы – родные брат и сестра, а какие разные жизненные пути выбрали! Сам он неплохо зарабатывал на жизнь в консалтинговом агентстве, и эта деятельность ему очень нравилась. Он любил Париж, гулянки, женщин, новомодные гаджеты, интересовался только развлечениями; он не собирался убиваться на работе, чтобы сколотить себе капитал.

– Слушай, у меня идея! – воскликнул он. – Хорошо бы нам всем вместе нагряться к Лоренцо в день его рождения! Организуем там небольшой праздник, и если представить это как семейное сборище, папе поневоле придется отпустить туда маму.

– Действительно, почему бы и нет! Для меня освободиться на день-два не проблема – правда, Яну это будет потрудней.

– Обсуди это с ним и позвони мне к концу недели, чтобы успеть всё организовать.

Перспектива такой эскапады в горах Юра очень радовала Валера. Вот когда он сможет испытать свою новую машину, сфотографироваться вместе с жирафенком, о котором говорил Лоренцо, устроить приятный уик-энд для матери и – кто знает? – кое-кого повстречать там. Во время своего предыдущего визита Валер заприметил среди служащих зоопарка хорошенькую молодую женщину; ему вообще нравилось флиртовать, это укрепляло его в мысли, что он вполне способен соблазнить кого угодно – эту красотку или другую, сгодится любая. Когда ему было лет десять-двенадцать, он восхищался успехами Лоренцо у женщин; старший брат был его кумиром, и позже он постоянно пытался сравняться с ним, при этом ничуть не завидуя.

Отобедав, он заплатил по счету наравне с Летицией, как у них было заведено, и вернулся пешком в офис.

* * *

Несмотря на все свои благие намерения, Лоренцо изнывал от нетерпения. Жюли спросила его, может ли она зайти к нему в конце дня, что было довольно-таки странно, ведь они ежедневно виделись во время работы. Мало того, она сказала это именно в единственном числе, дав понять, что придет одна. Лоренцо запретил себе делать преждевременные выводы, но когда он возвращался домой, сердце у него билось куда чаще обычного.

Домик, где он обитал, стоял в четырех километрах от парка – это было самое близкое жилище, которое ему удалось найти. Он снял его у местного фермера за умеренную плату и обставил довольно скромно, потому что проводил здесь мало времени. Рядом с зоопарком он жить не мог – там разрешалось возводить только административные здания. Тем не менее он обустроил над своим кабинетом вполне удобную комнату, где в случае необходимости мог переночевать и принять душ. Смотрители зоопарка располагали просторным помещением для отдыха, где могли остаться на ночь, если какое-то животное требовало особого ухода ввиду болезни или появления детенышей. С тех пор как в зоопарке

Ивелина[8 - Ивелин (фр. Yvelines) – департамент на севере центральной части Франции.] был убит носорог – злодеи спилили и украли его рог, – все зоопарки удвоили бдительность и наняли ночную охрану. Поэтому Лоренцо часто оставался на месте и все реже ночевал в арендованном доме.

Он окинул взглядом комнату, убедился, что она в полном порядке, и проверил, есть ли пиво в холодильнике. Вот только вопрос: по-прежнему ли это один из любимых напитков Жюли? Может, за прошедшие годы ее вкусы изменились, он ведь почти ничего не знал о ней теперешней. С тех пор как Жюли завела роман с Марком, он избегал разговоров с ней, даже чисто дружеских.

Наконец он услышал, как по двору прошуршали колеса машины, и вышел за порог встретить Жюли.

– Ну и денек сегодня выдался! – с улыбкой воскликнула она.

Вакцинация пеликанов заняла у нее много времени, и она выглядела усталой.

– Входи и присаживайся, – сказал Лоренцо. – Что ты выпьешь? Пиво или...

– Меня устроит большой стакан воды.

Лоренцо вынул из холодильника две банки «Перье» и разыскал в шкафчике пакетик жареного миндаля. Вернувшись в комнату, он увидел, что Жюли разлеглась в кресле, положив ноги на подлокотники.

– А ты, я гляжу, по-прежнему не умеешь себя вести, – пошутил он.

Это был намек на их годы в кемпинге Мезон-Альфора. Они там жили в спартанских условиях, занимая каждый по комнате в корпусе «А», ходили друг к другу в гости и вместе питались в студенческом общежитии «Грисби». Благословенное время: какими же усердными студентами, какими влюбленными и счастливыми они тогда были! Лоренцо считал эти годы самым светлым временем своей жизни; он все еще помнил, как Жюли сидела на полу, скрестив ноги, или пристраивалась на подоконнике, или бесстрашно раскачивалась взад-вперед на стуле.

– Ты, наверно, теряешься в догадках, почему я захотела увидаться с тобой наедине, вдали от нескромных ушей всего парка?

Лоренцо молча кивнул: он был поглощен созерцанием Жюли. Здесь, у себя, он мог любоваться ею сколько угодно, не опасаясь, что посторонние заметят его слишком нежный взгляд или слишком счастливую улыбку. Несмотря на тени у нее под глазами, он по-прежнему находил ее неотразимо прекрасной. Но она уже не была частью его жизни, она любила другого и никогда больше не окажется в его объятиях.

– Я жду ребенка, – объявила она вздрагивающим голосом.

Лоренцо словно ударили под дых. Конечно, он знал о ее романе с Марком и смирился с этим, но все-таки в глубине души у него еще теплилась робкая надежда на то, что она вернется к нему.

– Это... это хорошо... прекрасная новость, – наконец с трудом выговорил он.

– Ты и вправду так считаешь?

Жюли с тревогой смотрела на него. Неужели она поняла, что с тех пор, как они работают вместе, он относился к ней не только как к подруге?

– Да, конечно! – сказал он, овладев собой.

Собственная неискренность напомнила ему бесстыдное притворство Ксавье, с которым тот утверждал, что любит своего пасынка. Нет, его вовсе не радовала мысль о том, что отныне жизнь Жюли неразрывно и навечно связана с Марком. Неужели они поженились и решат уехать отсюда, чтобы устроиться в другом месте? Ему не удалось завоевать Жюли, но не удалось и отказаться от нее. И внезапно на него нахлынули воспоминания о пикнике с жареным барашком, устроенном по случаю окончания учебного года, – в тот вечер хлынул дождь, и он увидел в группе студенток, бегущих через кампус, Жюли, которая потеряла туфлю и сыпала проклятиями, как извозчик. И еще Жюли, которая соскакивала с постели в четыре утра, чтобы повторить задание. И еще Жюли, которая напилась вусмерть к утру после целой ночи танцев на ежегодном празднике. Такую красивую, такую веселую...

– Теперь ты должна беречь себя. Смотри, не рискуй, когда будешь иметь дело с нашими зверями.

– Да я никогда не рискую! – удивленно возразила она.

Лоренцо не нашелся с ответом, в голове у него царил полный хаос.

– А почему у тебя такой мрачный вид, Лоренцо?

– Разве?.. Да нет, я просто вымотался за день. Скоро сезонное закрытие парка. Я представляю, как ты счастлива. А Марк... тоже?

– Конечно!

Ее ответ последовал мгновенно, без секунды колебаний. Лоренцо заставил себя улыбнуться и объявил, что нужно выпить за здоровье будущих родителей.

– Только не ты, а я один, и выпью я водки.

Ему обязательно нужно было взбодриться, а водка была единственным крепким напитком в его доме. Он ушел в кухню, сделал глубокий вдох, чтобы успокоиться, и вернулся в комнату с полным до краев стаканом.

– Ну, и каковы ваши дальнейшие планы? – осведомился он. – Вы поженитесь? Вы останетесь работать здесь?

– О, Марку так нравится работать в твоём зоопарке, что я даже не подумаю просить его уехать отсюда!

– А тебе хотелось бы уехать?

– Да не так чтобы очень. Но позже нам, я думаю, сложно будет жить здесь, в изоляции от внешнего мира – ни яслей, ни школ...

– Да, я понимаю.

Он понял главное: в один прекрасный день она отсюда уедет и, может быть, никогда уже не вернется, а это было еще страшнее, чем видеть ее здесь, каждый день, счастливой.

– И когда же состоится... э-э-э... появление малыша? Мне нужно знать, чтобы найти кого-то на освободившееся место; твоя должность, как ты могла убедиться, здесь отнюдь не лишняя.

– О, можешь не торопиться, я сама узнала об этом только во вторник. Но я решила поскорее сообщить тебе новость самой, мне не хотелось, чтобы ты узнал ее от Марка – уж он-то моментально раструбит ее на всю округу. Он так горд, так доволен!

– Еще бы! – невольно вырвалось у Лоренцо.

Он надеялся, что этот короткий взглас прозвучал не слишком горько.

– Ну, а пока береги себя, Жюли. Если тебе не захочется что-то делать или ты почувствуешь себя усталой, сразу же просигналь мне.

Неожиданно Лоренцо захотел, чтобы она ушла. Он шагнул к двери, надеясь, что она поймет это и оставит его одного, но она задержала его взмахом руки.

– погоди! Ты же мой лучший друг, ты так много значишь для меня. И Марку это известно, я не скрыла от него нашу альфорскую историю. Так вот: ты согласился бы стать крестным нашего малыша?

Этот вопрос показался Лоренцо неуместным, абсурдным. Жюли предлагала ему нечто вроде утешения, которое ужаснуло его не меньше, чем это словцо – история.

– Не знаю, Жюли... Это большая ответственность, а у меня ее и без того выше головы! Спасибо за твою... за твое доверие. Давай обсудим это позже, ладно?

Она молча смотрела на него несколько минут, которые показались ему пыткой, потом наконец встала и направилась к нему, протянув руки.

– Я очень рада, что поговорила с тобой. Увидимся завтра утром, а пока – спокойной ночи.

Она подошла совсем близко, чтобы поцеловать его в обе щеки, и он успел вдохнуть ее аромат – запах легкой туалетной воды, которой она оставалась верна все эти годы. Не желая длить объятие, Лоренцо отстранился, чтобы дать ей уйти. А потом долго стоял, вслушиваясь в удалявшийся рокот мотора ее машины. Наконец шум затих, а он все еще не двигался, растерянный, рассерженный на самого себя. Сколько усилий он приложил, чтобы держаться с ней по-дружески невозмутимо! Так откуда же взялась эта дурацкая ревность, это чувство покинутости?! Итальянская кровь, текущая в его венах, воспламенялась быстро, он всегда боролся со своей неукротимой натурой.

– Да уймись же ты, дурень! – сказал он себе вполголоса.

Но ему уже было ясно, что невозможно сидеть тут целый вечер одному, и он решил вернуться в парк, обойти территорию, чтобы успокоиться, а там, глядишь, и ночи конец. Может, удастся прийти в себя, пока он будет ходить по аллеям с мощным фонарем в руке. И тогда завтра утром всё уже предстанет в ином свете: он найдет в себе мужество поздравить Марка и будет держаться подальше от Жюли. Но стать крестным... Нет, никогда!

2

– Не сердись, дорогая, но это не так уж приятно – слышать, как вы постоянно поете ему дифирамбы! Зато стоит мне сделать хоть малейшее замечание, как ты дуешься.

Мод возвела глаза к потолку и решительным движением захлопнула чемодан.

– Я не дуюсь. Я только констатирую, что как только речь заходит о Лоренцо, ты всегда ухитряешься сказать что-нибудь неприятное.

– Ну, хорошо, хорошо, может быть... Но согласись, что он тоже не безупречен. Праздновать день рождения в пятистах километрах отсюда – такое могло

прийти в голову только отъявленному эгоисту.

– Представь себе, это пришло в голову не ему, а Валеру. Чтобы сделать сюрприз Лоренцо.

– И он не придумал ничего лучше, как заставить тебя ехать в Юра?

– Меня никто не принуждал, я еду туда с удовольствием. Анук и Летиция с Яном тоже там будут. И если бы ты к нам присоединился, вся семья была бы в сборе.

– Я не могу оставить аптеку.

– Ты прекрасно мог бы доверить ее своему провизору, он уже привык тебя подменять, и ты ему полностью доверяешь. Но ты просто не хочешь ехать – ну, признайся!

Ксавье молчал, ему нечего было возразить. И все же он, конечно, не собирался в это Юра, в этот проклятый парк, о котором ему все уши прожужжали, чтобы увидеть, как его пасынок изображает владельца и повелителя всего этого разномастного и опасного зверья. Поэтому он только спросил:

– Когда ты вернешься?

– В понедельник вечером. Валер забронировал нам номера в маленькой уютной гостинице, в окрестностях Сен-Клод, – ответила она, поглядывая на часы. И с улыбкой добавила: – Он скоро приедет.

– Может, Валер соблаговолит хотя бы выпить с нами чашку кофе?

– Нет, иначе ему придется искать место для парковки. Он будет ждать меня, не выходя из машины.

Ксавье испустил намеренно тяжкий вздох, чтобы подчеркнуть свое недовольство.

– Ладно... Значит, мне ничего не остается, как пожелать тебе весело провести время...

– Это семейный праздник, и нам всем будет тебя не хватать, – заметила Мод.

– Всем... кроме, конечно, Лорана.

Несколько секунд супруги молча мерили друг друга взглядами.

– А ведь Лоренцо был бы просто счастлив показать тебе все, что ему удалось создать.

– Ну да... как мальчишки хвастаются своими игрушками.

– Ох, Ксавье!

Глаза Мод внезапно налились слезами, и Ксавье раскаялся в том, что причинил ей боль.

– Не расстраивайся, дорогая! Ты же меня знаешь, и знаешь, что мы с Лораном всю жизнь ссорились. Но это не мешает мне любить его; в конце концов, ведь это я его воспитал.

– Любить? – недоверчиво повторила Мод.

– Да, именно так! Даже если ты этого не замечаешь. Он преуспел в учебе, и за это я его уважаю. Но потом он увлекся своими химерами. Вспомни: я пытался разубедить его, но тщетно, а ведь я это делал потому, что привязан к нему. Но он меня не слушал, как, впрочем, и никогда не слушал, – что ж, тем хуже для него. Может быть, ты слишком часто принимала его сторону, а он морочил тебе голову, изображал итальянца, чтобы растрогать, и...

– Но он и есть итальянец! – возразила Мод.

– Только наполовину. А наполовину – благодаря тебе – француз, но об этом он старается забыть. Мне очень хотелось, чтобы он лучше вписался в нашу семью, чтобы хоть чуточку теплее относился ко мне, вместо того чтобы отталкивать.

Ксавье переиначивал эту историю на свой лад, и хотя Мод ему не верила, он, по крайней мере, высказал все, что считал нужным, чтобы оправдаться перед ней и поселить в ее душе сомнения в сыновней любви Лоренцо. Она собралась было ему ответить, как вдруг ее мобильник дважды звякнул, оповещая о сообщении.

– Валер уже внизу, – сказала Мод.

– Давай я донесу твой чемодан до лифта.

Отъезд жены ужасно расстроил Ксавье. Ну чем ему теперь занять выходные? Слоняться без дела по квартире целое воскресенье и утро понедельника? Есть холодный обед и скучать? Обычно в такие дни именно Мод придумывала интересную программу – поход на выставку, в кино или в театр, приглашение гостей, для которых она готовила лакомые блюда. Она была идеальной женой и домохозяйкой, взяла в свои руки все, что не имело отношения к аптеке, прекрасно наладила их быт и только слегка, постепенно меняла его, когда их дети, один за другим, покидали родной дом, чтобы начать свою новую взрослую жизнь. Ксавье со своей стороны умело вел финансовые дела, так что по выходе на пенсию они могли бы купить себе загородный дом в деревне или на море и отдыхать там сколько душе угодно. Словом, будущее сулило им вполне приятное существование. А может, у них и внуки скоро появятся? Но об этом пока рано было думать: Ксавье собирался работать еще несколько лет, до тех пор, пока Валер, Анук и Летиция не обзаведутся семьями, не устроят свою жизнь. Что же касается пасынка, ему было плевать на него – даже если тот погрязнет в безнадежных долгах, от него он гроша ломаного не получит. Тот факт, что Лоренцо хватило наглости явиться к нему за финансовой помощью, возмутил его до глубины души. Не иначе как разорился вконец. И в этом случае, конечно, попробует разжалобить мать, но у Мод не было никаких личных сбережений. Когда Ксавье с ней познакомился, она жила на те жалкие деньги, что остались от Клаудио Дельмонте, и всерьез подумывала вернуться во Францию вместе с сынишкой, чтобы найти хоть какую-то работу. Но тут очень кстати появился Ксавье; ему удалось утешить ее, потом понравиться ей и, наконец, влюбить ее в себя. Вот только этот мальчишка с первого же дня стал для него камнем преткновения. Ксавье, со свойственной ему проницательностью, сразу понял, что ему не удастся полюбить этого ребенка, который стал инородным телом между ним и Мод. Она не сможет забыть свое прошлое из-за этого живого напоминания – тень первого мужа никогда не даст им покоя. И все же Ксавье бросился очертя голову в эту авантюру – он был слишком пылко влюблен, чтобы считаться с таким препятствием. Увы, он

переоценил свои силы, надеясь, что привыкнет к мальчику и привяжет его к себе. Произошло как раз обратное: он инстинктивно отвергал его, разрываясь между неприязнью и чувством вины. И пятнадцать лет совместного существования ничего не наладили в их отношениях. Даже сегодня, при виде радостного лица Мод, предвкушавшей встречу с сыном, он чувствовал одну только злость.

Пройдя по квартире, он распахнул одно из выходивших на улицу окон. Внизу Валер уложил чемодан матери в багажник и лихо захлопнул его. Потом сел за руль и начал маневрировать, чтобы влиться в поток машин. Он все же сумел припарковаться и тем не менее не зашел в дом, чтобы поздороваться с отцом, – небось, уже предвкушает их с матерью веселую поездку. Ксавье почувствовал себя одновременно обиженным и отверженным. Но Валер был его родным сыном, его гордостью, и он не мог долго сердиться на него.

* * *

Лоренцо рассмеялся при виде крошечного, но воинственного тигренка, – тому едва исполнилось два месяца, и он проходил свой первый осмотр у ветеринара. Детеныш, очаровательный, как плюшевая игрушка, пронзительно мяукал, оскалив крошечные клычки, как большой.

– Ну, задаст он вам хлопот, – с широкой улыбкой сказал ветеринар.

– Не он, а она, – уточнил Лоренцо. – Это самка, но ты прав – похоже, характер у нее скверный. Как вы ее назовете?

По сложившейся традиции именно бригады ветеринаров присваивали имена всем животным, родившимся в зоопарке.

– Для девочки мы выбрали имя Венди, – объявил Марк, вошедший в тот момент, когда тигренка взвешивали.

Лоренцо поднял на него глаза и кивнул, подумав при этом: а успел ли Марк подобрать имя для ребенка, которого родит ему Жюли? Эта мысль так больно уязвила его, что он отвернулся и в несколько точных движений ввел тигренку электронный чип, позволяющий идентифицировать зверя в течение всей его

жизни.

– Измерьте Венди и поскорей верните ее матери. Похоже, наша девочка в прекрасной форме.

Как можно меньше тревожить зверей – таково было основное правило зоопарка. Контакт с ними устанавливался голосом, чтобы приучить животное к людям и при необходимости облегчить его лечение, ничего другого от них не требовалось; особенно это касалось крупных кошек, слишком опасных, чтобы к ним приближаться. Лоренцо особенно настаивал на этом пункте, внушая всем своим подчиненным, что здесь не цирк, что единственное зрелище, предлагаемое публике, – это показ животных, которых содержат в условиях, максимально приближенных к естественным, чтобы сохранить все характерные свойства их породы – охотничий инстинкт, готовность к бегству в случае опасности, иерархию в стае или в прайде, поиски пищи. С этой целью служители иногда прятали фрукты в разных местах, чтобы заставить приматов их отыскивать, и подвешивали мясные туши на столбы, чтобы львицы побольше двигались.

Одной из главных задач парка наряду с содержанием животных было воспроизводство редких пород для обмена с другими парками, чтобы избежать кровосмешения. Поэтому некоторых зверей увозили, освобождая место для новичков, и служители нередко тяжело переносили разлуку со своими питомцами. Правда, самому Лоренцо, как и другим ветеринарам, не удавалось завязывать такую дружбу с «пациентами»: те слишком боялись этих людей, вооруженных жалящими шприцами.

– Тебя спрашивают у главного входа, – добавил Марк.

– Кто?

– Секрет!

– Секрет?

– Охранник не уточнил, но похоже, тебя ждет приятный сюрприз.

– О господи, делать мне больше нечего!

И Лоренцо, слегка раздраженный, вышел из кабинета. Он не увиделся с Жюли во время утреннего совещания, где уточнял распорядок дня, и так оно было лучше. Им надо как можно реже общаться, это поможет ему меньше думать о ней. Он запрыгнул в электрокар, на котором разъезжал по зоопарку, и направился к воротам; навстречу ему по аллеям шло множество посетителей. Со временем их количество постепенно росло, хотя до показателей, намеченных Лоренцо, было еще далеко. Выйдя из машины, он стал оглядывать людей у входа, ища того, кто к нему пожаловал, как вдруг услышал знакомый голос:

– Привет, старший братец!

И тут он увидел рядом с кассой Валера, который махал ему, а рядом стояла сияющая мать.

– Вы... здесь?! Почему же вы меня не предупредили?

– А я уже все организовал сам; более того...

И он торжествующе указал на Летицию и Яна, которые держались в сторонке, – это была вторая часть сюрприза.

– Значит, вы приехали вчетвером? – радостно воскликнул Лоренцо.

Растроганный до глубины души, он кинулся обнимать их, всех по очереди, а Валер, страшно гордый собой, добавил:

– Сегодня к вечеру сюда пожалует и Анук! Ну, признай, что я устроил тебе прекрасный сюрприз, верно? И все это великое нашествие – в честь твоего дня рождения, хотя тридцать четыре года – сущий пустяк. Ты уже миновал возраст Христа, так что живи спокойно!

Он шутил не умолкая, очень довольный тем, что доставил Лоренцо такую радость.

– И ни о чем не беспокойся, – добавила Мод. – Мы сняли комнаты в отеле и заказали на вечер столик в ресторане. Надеюсь, у тебя не было других планов?

– Нет, ничего такого.

– Ну, тем лучше, потому что мы проведем здесь все выходные!

– Это самый прекрасный подарок, я о таком и мечтать не смел! Идемте со мной.

Он провел их через контроль и сказал, что они могут сколько угодно гулять по парку.

– Я не смогу вас сопровождать, меня ждет работа, а вы пока развлекайтесь. Постараюсь освободиться как можно раньше.

Лоренцо бросил взгляд на часы: три часа дня. Наверно, Валер выехал на рассвете и гнал машину на большой скорости.

– А тебя, – сказал он, обняв брата, – я поведу посмотреть жирафов и потом оставлю в покое.

Он потащил его в одну из аллей, и когда они остались наедине, прошептал:

– Спасибо тебе, Валер... Наверно, это было нелегко – собрать здесь всю семью?

– Ничего страшного; пришлось, конечно, немного нажать, но все получилось. Только папа не пожелал приехать, ну да ты его знаешь.

Лоренцо с трудом удержался от едкой реплики, которая так и просилась слететь с языка. Обычно он старался не критиковать Ксавье в присутствии сестер и брата, из уважения к ним.

– Как бы то ни было, а мама чувствует себя гораздо свободнее, когда видится с тобой в его отсутствие. Она очень боится ваших стычек.

– А их больше и не будет, – усмехнулся Лоренцо. – Вообще-то мне не следовало просить у него денег, я ведь знал, что он не даст. Наверное, я просто хотел лишний раз услышать, как он мне откажет.

Валер искоса взглянул на брата и признался:

– Увы, сам я ничем не могу тебе помочь и, поверь, страшно жалею об этом. Я проматываю весь свой заработок, – настоящая бездонная бочка. И это очень прискорбно, потому что всё, что ты здесь делаешь, просто потрясающе! И всем нам следовало бы в этом участвовать, мне – первому...

Они подошли к загону с жирафами, которые мирно поедали листья из огромной корзины, подвешенной к высокому столбу.

– Вон там, справа, между ног матери, малыш – видишь его?

– Да он просто прелесть! – воскликнул Валер, вытаскивая смартфон самой последней модели, чтобы сделать фото.

Лоренцо оставил брата у ограды, а сам торопливо зашагал к ветеринарной клинике, где его ждали неотложные дела. Когда он вышел оттуда два часа спустя, то первым делом стал разыскивать мать, желая убедиться, что она не слишком устала после долгой езды в машине и прогулки по зоопарку, на свежем воздухе. Она нашел ее в секторе обезьян; она восхищенно смотрела, как они ловко прыгают с ветки на ветку.

– Через час мы закрываемся, – объявил ей Лоренцо. – Если хочешь, можешь пока отдохнуть у меня в кабинете.

– Я еще далеко не все видела, но остальное может подождать до завтра, – ответила Мод. – У меня будет целый день, чтобы самой ознакомиться со всеми твоими нововведениями.

– Ладно, отложим это на завтра. А пока идем ко мне. Я обустроил помещение, где провожу все время днем, а часто там же и ночью, чтобы не...

– Господи, да это же Жюли! – воскликнула Мод. И она указала на молодую женщину, которая шла навстречу и резко остановилась, заметив их. – Жюли! Я ужасно рада тебя видеть! Как ты поживаешь? Ты прекрасно выглядишь, у тебя такой цветущий вид.

Пока они обнимались, Лоренцо поспешил сообщить матери, чтобы избежать недоразумений:

– Жюли работает здесь уже несколько месяцев, и...

– А ты мне ни слова не сказал! Значит, вы все-таки встретились снова? Я всегда знала, что вы предназначены...

– Мама, прошу тебя!

Сердитый окрик Лоренцо наконец заставил Мод понять свой промах; она растерянно оглядела их обоих и прошептала:

– Прошу прощения... Вечно я говорю всякие глупости.

Это была ложь, которой Мод хотела прикрыть свою бестактность, – обычно она вела себя как опытный дипломат.

– Ну и кем же ты работаешь? – спросила она Жюли.

– Меня принял сюда Лоренцо, и я просто счастлива, что работаю вместе с ним – здесь я так многому научилась! И кроме того, я... гм... я скоро выхожу замуж.

И Жюли, разъяснив ситуацию со свойственной ей прямоотой, завершила свои слова сияющей улыбкой.

– Поздравляю... – растерянно пробормотала Мод.

Она боялась взглянуть на Лоренцо, и ему пришлось взять ее за плечо, чтобы повести дальше, тогда как Жюли пошла в другую сторону.

– Я, кажется, сказала лишнее; надеюсь, ты на меня не сердишься? Просто когда я ее увидела, то вообразила, что вы снова вместе.

– После стольких лет это маловероятно.

– И все-таки ты ее до сих пор любишь, разве нет? Не отрицай, я же по твоим глазам вижу.

– Ну какое это имеет значение! Она выбрала другого, очень достойного человека, и, как ты могла убедиться, вполне счастлива.

– Но почему же она решила работать именно здесь, в твоём парке, если не для того, чтобы опять встретиться с тобой?

– В тот момент она прошла прекрасную стажировку в Венсенском зоопарке и искала работу в том же роде.

– Что-то не верится. Я думаю, что она искала не работу, а тебя.

– Слушай, мама, выкинь это из головы. Мы с ней только друзья и не более, она сама так решила. И вдобавок теперь она ждет ребенка. Так что, пожалуйста, давай не будем больше о ней говорить.

Лоренцо хотел скрыть от матери свою горечь, но она слишком хорошо знала сына и поняла, что он все еще не забыл юношескую любовь, столь много значившую для него. Он привел Мод в закрытую для посетителей зону, где стоял большой деревянный дом с черепичной крышей, в котором размещалась администрация зоопарка.

– Здесь наши бухгалтерия и канцелярия, – объяснял он, проводя мать по комнатам первого этажа, – а вот тут мое убежище. В прошлый раз, когда ты была здесь, мы еще не успели все это обустроить.

В просторной комнате с двумя широкими окнами, дающими много света, у одной стены стоял большой письменный стол, у другой – кульман архитектора с планами будущего строительства, а чуть дальше, в углу, обстановку дополняли небольшой диван, пара кресел и журнальный столик.

– Здесь я могу принимать своих инвесторов, партнеров и иностранных коллег...

На стенах висели заботливо обрамленные фотографии животных, на которые Лоренцо с гордостью указал матери.

– Некоторые из них даже родились здесь! Других увезли отсюда, чтобы они произвели потомство где-нибудь еще, но все они мне дороги. А теперь пойдём вон туда...

И он указал ей на винтовую лестницу, ведущую на второй этаж.

– Я наконец добился права оборудовать для себя помещение под крышей и теперь провожу там больше времени, чем в собственном доме.

Мод поднялась в просторную мансарду, где стояла кровать и висели полки, забитые книгами.

– Вон та дверь ведет в ванную; если хочешь, можешь зайти и освежиться.

– Значит, здесь ты и живешь? – спросила Мод, указывая на кучу одежды, сваленную в кресло.

– Ну, почти. Даже зимой, когда парк закрыт для публики, мы-то продолжаем работать.

– Иными словами, ты никак не развлекаешься? Нигде не бываешь, никого не принимаешь у себя, никакой личной жизни, только вот этот тесный рабочий мирок?

– Это моя жизнь, мама, и другой я не желаю.

– Смотри, как бы тебе не кончить одиноким старым волком. Иногда ты мне очень напоминаешь Этторе.

Лоренцо ответил растроганной улыбкой: он сохранил о своем чудаковатом дедушке только самые добрые воспоминания.

– Всем этим я обязан ему.

– Нет, этим ты обязан только себе, ведь сама земля ни на что не годилась.

– Очень даже годилась – доказательство налицо.

С этими словами Лоренцо скинул с кресла одежду и жестом предложил матери сесть.

– Он обожал природу, и, пока еще мог водить машину, мы с ним совершали долгие прогулки по Большому Парадизу[9 - Гран-Парадизо (в переводе с итал. – Большой Рай) – один из самых грандиозных и значимых национальных парков горной части северной Италии.]. Как ни жаль, но в последние годы его замучил ревматизм, и он уже не мог передвигаться, зато его навещали старые друзья.

– А я всегда волновалась, когда ты мне говорил, что не знаешь, кто приедет за тобой на вокзал. Однажды я даже позвонила ему, чтобы обсудить эту проблему, но он послал меня подальше. Он так и не простил мне, что я снова вышла замуж, родила других детей, – считал, что я слишком быстро забыла Клаудио. Послушать его, так мне следовало всю жизнь носить траур и жить под его крышей. Ты представляешь? А я была молода, и мне хотелось совсем другого, не могла же я похоронить себя заживо в доме сварливого старика. Короче, с тех пор он больше не желал иметь со мной дел, но потребовал, чтобы ты приезжал к нему раз в год: он, мол, хочет убедиться, что ты растешь в хороших условиях. Как будто я могла тебя обидеть!

Мод уселась в кресло и, подняв голову, пытливо взглянула снизу вверх на сына. Он понял, что она улучила эту короткую паузу в их откровенной беседе, чтобы задать ему очень важный, волновавший ее вопрос.

– Ты когда-нибудь рассказывал деду о своих... сложных отношениях с Ксавье?

– Нет, мама. Он счел бы кощунством, если бы я вслух произнес это имя у него в доме. Его возмущала сама мысль о том, что у меня может быть отчим. По крайней мере, он никогда ни о чем меня не расспрашивал, только сказал однажды, что я могу во всем ему довериться, и на этом закрыл тему, больше никогда к ней не возвращался. Он предпочитал говорить со мной о моем отце, словно считал своим священным долгом хранить память о нем, и каждый раз это

была другая история и новые подробности. Дед хотел, чтобы я все знал о нем, – он ведь понимал, что сам я был тогда младенцем и не мог его помнить. А еще он показывал мне фотографии – у него была целая куча альбомов...

От волнения у Лоренцо сжалось горло, и он умолк. Потом, через несколько секунд, объявил матери, что должен вернуться к работе.

– Да, конечно, иди, а я тут немного отдохну. Меня только одно интересует: что ты сделал с вещами деда после его смерти?

– Ну, своего дома у меня не было, и я, конечно же, не мог привезти их в квартиру Ксавье – представляю, как бы он отреагировал! В общем, я попросил нотариуса все продать там же, на месте. Мебель, посуду и так далее... Сохранил только альбомы, дедовы часы и его портрет, написанный каким-то другом в молодости.

И Лоренцо указал на рисунок пастелью, который Мод еще не успела заметить. Она встала, подошла ближе, и ее пробила дрожь.

– Вылитый Клаудио, – прошептала она. – Как же они похожи!

Она стояла перед портретом, неотрывно глядя на него, а когда обернулась, Лоренцо в комнате уже не было.

* * *

Анук заглянула в ванную, потом вернулась в комнату и пощупала матрас на кровати. Ну что ж, это, конечно, не пятизвездочный отель, но все прибрано, чистенько, вполне уютно, и ей подходит. В секретариате Анук сообщили, что все остальные члены семьи уже прибыли и сразу же ушли на прогулку. Наверняка в парк, куда же еще! Но было уже слишком поздно, чтобы разыскивать их там, и она решила встретиться с родными прямо в ресторане. Эта поездка ее взбодрила: слишком уж много времени она торчала в кухне у плиты. Так что предложение Валера пришлось очень кстати, Анук давно мечтала выбраться на свежий воздух. Вот уже несколько месяцев она раздумывала над возможностью открыть собственное дело, свой первый ресторан, который носил бы ее имя, принадлежал бы ей одной и в котором можно было доказать, что и она чего-то стоит. Хватит уж ей горбатиться на других, пора пуститься в свободное

плавание!

Анук вынула из сумки подарок, предназначенный Лоренцо, – маленькую бронзовую фигурку лежащего льва. Ему наверняка понравится! Мысль о Лоренцо вызвала у нее улыбку: она искренне любила брата и теперь, по прошествии времени, часто спрашивала себя, почему так редко становилась на его защиту. Отец бывал к нему несправедлив, но она поняла это с опозданием, только повзрослев. В отрочестве, как и все подростки, она была занята только собой, а затем все ее внимание поглотила школа гостиничного хозяйства. И только сейчас она начала разбираться в семейных отношениях. В частности, ей стало ясно, что Лоренцо и она – единственные члены семьи, страстно любящие свою работу и готовые посвятить ей всю жизнь. Они оба были настоящими трудоголиками. Вот уже два или три года это свойство сближало их, и хотя им не удавалось видеться, они регулярно перезванивались или общались по скайпу поздними вечерами, развлекаясь этими виртуальными встречами.

Животные Анук не интересовали, хотя она и утверждала, что близкая встреча с тигром вызывает в ней сильное волнение. По этой причине она втайне радовалась тому, что посетит зоопарк только завтра и уедет в воскресенье вечером, чтобы вовремя вернуться к себе. Анук жила одна, не нуждаясь ни в каких родственных душах, и только изредка заводила короткие романы. Обременять себя постоянным партнером она не желала, это помешало бы ей реализовать свои амбиции. В последние годы она снимала меблированные студии рядом с ресторанами, в которых работала, – сначала в Версале, потом в Лионе и, наконец, в Париже. Она уже владела всеми секретами известных престижных ресторанов и, несмотря на свою молодость – ей шел только тридцать второй год, – была уверена, что заслужила хорошую репутацию в своей профессии.

Приняв душ, Анук надела черные брюки, кремовый свитер с высоким горлом и сапожки на низких каблуках. Проводя полжизни в белом поварском халате и колпаке, она перестала заботиться о своих туалетах и покупала только самое необходимое, однако сейчас, проходя мимо зеркала, все-таки бросила на себя взгляд. Анук была хорошенькой, и ей это часто говорили, хотя она сама считала, что ее портят веснушки и длинноватый, по ее мнению, нос. Мод в шутку говорила, что не понимает, откуда у нее такие разные дети: Лоренцо был жгучим брюнетом, Валер и Летиция – блондинами, Анук – почти рыжая. У самой Мод волосы были золотисто-медового цвета. Со временем в них появились белые нити, и она уже начала краситься.

Время шло к восьми вечера, пора было идти на встречу с родными, в ресторан, который Валер выбрал из-за его близости, чтобы им не пришлось на обратном пути петлять по извилистым дорогам. Побаиваясь строгой профессиональной оценки Анук, он заранее предупредил ее, что роскошного стола не будет. Но она не беспокоилась: у Валера был врожденный дар устраивать празднества, а уж по такому случаю он наверняка подыскал приятное заведение. Большинство рестораторов этого региона работали только со свежими продуктами, и Анук заранее радовалась возможности разузнать, что тут готовят.

* * *

Лоренцо пришел с опозданием: ему пришлось срочно спасать детеныша гориллы, который пострадал, угодив в схватку между взрослыми особями. Он потратил больше часа на то, чтобы с помощью Жюли вызволить малыша и оказать ему первую помощь. Когда наконец тот заснул, Лоренцо приехал в ресторан, где его ждала вся семья. Валер вручил ему бокал шампанского и поздравил.

– Пью за процветание твоего парка! – провозгласил он и, хитро подмигнув, добавил: – И за твою удачу в любви!

В ожидании этого счастливого момента он занялся вместе с Анук составлением меню: фирменный паштет с луковой подливкой, салат из морских гребешков с креветками, сырная тарелка (конте[10 - Конте (Gruyere de Comte) – сорт французского сыра из непастеризованного коровьего молока.], морбье и голубой «Жекс») и, наконец, знаменитая «нормандская тарелка»[11 - Нормандская тарелка – ассорти из морепродуктов (или других местных блюд).]. Мод чувствовала себя счастливой, любуясь своими детьми, так редко собиравшимися вместе, и радуясь их доброму согласию. Ксавье, с его злобной неприязнью к пасынку, так и не удалось восстановить их друг против друга, и Лоренцо был полноправным членом этого братства – более того, играл в нем главенствующую роль благодаря тому, что смог осуществить свою мечту.

Когда приступили к десерту, Анук потихоньку улизнула в кухню пообщаться с шеф-поваром. Лоренцо воспользовался этим, чтобы переговорить с Валером.

– В понедельник, во второй половине дня, меня вызывают на собрание моих инвесторов, и оно наверняка будет бурным. Ты у нас специалист по стратегии,

так посоветуй мне, как держаться...

– Все зависит от того, что ты хочешь получить.

– Свободу действий! – со смехом ответил Лоренцо. – Хотя это недостижимая мечта. На самом-то деле, мы с ними вполне единомышленны во всем, что касается рентабельности парка – он, конечно, обходится очень дорого, – но зато никак не можем договориться о конкретной методике нашей работы. В отличие от своих конкурентов я хочу, чтобы наши животные сохранили максимум навыков, свойственных их породе. И вот пример: свинка-отари по природе своей очень любит играть, но лучше наблюдать за ней, когда она свободно забавляется со своими детенышами, чем заставлять ее в определенные часы выполнять цирковые номера под руководством дрессировщика. Меня тошнит от одного только этого слова.

– Какого – дрессировщик?

– Именно! Даже если он обращается с животным мягко и поощряет его лакомствами. Связи, возникающие между человеком и так называемым «диким животным» – я использую это выражение как антитезу «домашнего животного», – противоестественны. Через десять поколений таких «связей» от природных инстинктов зверя ничего не останется. Взять хоть жирафов, – они охотно бегают, но лишь при условии, что находятся на обширной территории, а это не наш случай. Или дельфины – они не могут чувствовать себя комфортно в тесном бассейне, их стихия – безбрежное море. Ну и так далее. Мы, конечно, вынуждены воздвигать барьеры, копать рвы, пропускать электрический ток через проволоку и устанавливать небьющиеся стекла, чтобы оградить публику от опасности, но кроме этих неизбежных защитных мер, я не допущу никакого вмешательства в жизнь наших животных.

– И ты боишься, что именно этот пункт вызовет недовольство твоих оппонентов?

– Конечно. И мне, как директору зоопарка, будет крайне трудно защитить свой проект, ведь я рискую разочаровать публику, лишив ее цирковых представлений, которые она обожает. Но меня, как ветеринара, больше всего заботит сохранение видов в их первозданном состоянии. Я приведу тебе еще один, последний пример, на мой взгляд, самый ужасный – тигры. Их, как и всех остальных зверей, на ночь загоняют в клетки. А ведь тигр ведет ночной образ

жизни. Днем они, как правило, спят. Тем не менее, поскольку они умеют высоко прыгать благодаря мощным задним лапам, гораздо более длинным, чем передние, мы вынуждены огораживать их участок высоченными решетками с остриями наверху, повернутыми внутрь. И вот результат: тигры выглядят унылыми, как заключенные в камере! Я не хочу предлагать людям это жалкое зрелище, но посетители желают видеть тигров, причем с близкого расстояния, и их не волнует, счастлив зверь или нет.

– Лоренцо, но ты же не в африканском заповеднике, а всего лишь в парке, открытом для посетителей на французской территории.

– Да знаю я! Но также знаю, что есть только единственное средство сохранить от исчезновения некоторые виды – заинтересовать в этом широкую общественность. Не думай, Валер, я не витаю в облаках, я знаю цену этим вещам и готов идти на компромиссы. Но у меня связаны руки. А я убежден, что можно добиться успеха иными путями.

– Тебе будет трудновато убедить в этом частных инвесторов – они ведь хотят быстрой отдачи от своих вложений. А что касается государственных организаций, ты, конечно, можешь надеяться, что они проявят терпение, но не обольщайся: они тоже будут пристально следить за уровнем посещаемости парка, а она должна расти пропорционально вложенным средствам.

– Ну так вот, не сможешь ли ты мне представить в выгодном свете мои аргументы?

Валер помолчал, задумчиво хмуря брови.

– Если ты сформулируешь это как этическую проблему, можешь заранее подготовиться к провалу, они засмеются тебе в лицо. Доходы и мораль – вещи несовместимые; надеюсь, ты это понимаешь. Единственный твой шанс – подать свой проект как антитезу другим паркам, подчеркнуть его своеобразие, которое возвысит тебя над конкурентами и гарантирует широкую известность, иными словами, приток посетителей. По сути дела, вы ведь преследуете одну и ту же цель – чтобы люди рвались в ваш зоопарк. Только методы у вас разные.

– Верно!

Мод, сидевшая на другом конце стола, с беспокойством наблюдала, как ее сыновья совещаются шепотом, словно заговорщики.

– Вы не хотите посвятить нас в свой разговор? – осведомилась она.

– Мы просто обсуждаем всякие технические детали, – ответил Лоренцо с извиняющейся улыбкой.

– А мы-то приехали, чтобы хоть ненадолго отвлечь тебя от них, – возразила Летиция.

– Ты права, – согласился Лоренцо. – Расскажите-ка о себе, как вы там поживаете, горожане?

– Да уж повеселей, чем ты, отшельник! – отбрила его сестра. – Хотя надо признать, что в аптеке, где я работаю, мало что происходит.

– Зато у меня, увы, наоборот, – вмешался Ян. – У нас в лицее что ни день – какое-нибудь происшествие! Я охотно поменялся бы с тобой местами, Лоренцо. Здесь ты делаешь все, как хочешь, и потом твои животные и вправду великолепны, а некоторые до того трогательны, я в них просто влюбился. Заботиться о них – действительно благородное занятие.

– Учить истории юное поколение – тоже, разве нет?

– Только не каждый день! – со смехом воскликнул Ян.

Лоренцо знал, что его зять подал заявление о переводе в Бретань, – ему не нравилась жизнь в Париже.

– У меня состоялась очень плодотворная беседа со здешним шефом! – объявила Анук, вернувшись к столу. – Он мне рассказал, каким образом готовит сморчки, почему использует игристое вино из Юра и каким образом подмешивает конте в слоеное тесто!

– Скажи-ка, а тебя, случайно, не называют одержимой? – пошутил Лоренцо.

И они перемигнулись, как сообщники, зная, что из всех членов семьи только их обоих страстно увлекает работа.

Время уже шло к полуночи, и Мод намекнула, что пора и на покой.

– Завтра утром встретимся в парке и позавтракаем там же, прямо на месте, – сказал Лоренцо.

– Неужели ты занимаешься экспресс-обслуживанием? – с веселой усмешкой осведомилась Анук.

– Я нанял для этого настоящего профи, вот он всем и заправляет. У него подают горячие и холодные блюда, десерты, а продукты мы получаем от местных фермеров. Посетители, приезжающие целыми семьями, могут захватить с собой еду и расположиться на террасе или в саду в зависимости от погоды.

Выйдя из ресторана, Лоренцо взглянул на экран смартфона, но сообщений не приходило – видимо, ветеринар, оставшийся наблюдать за детенышем гориллы, счел излишним беспокоить начальство. Значит, все в порядке, и хотя Лоренцо не очень хотелось возвращаться домой, ехать в парк было необязательно.

– Я обдумаю то, что ты мне сказал, – обещал ему Валер перед тем, как сесть в машину. – Нужно обязательно разработать стратегию защиты перед этим твоим собранием. Или же... Может, будет лучше, если я пойду туда вместе с тобой? Я надеюсь, ты имеешь право привести туда советника?

– Разумеется, но я не хочу, чтобы ты терял из-за меня время. В любом случае тебе придется сначала отвезти всех в Париж. Летиция и Ян не могут отсутствовать долго, а уж Ксавье просто придет в ярость, если мама не вернется в назначенное время.

– А я довезу их до Женевы и посажу в самолет. Сам-то я могу подзадержаться – договорюсь со своей конторой, мне это нетрудно, они мне идут навстречу!

– Очень мило с твоей стороны. По правде говоря, мне всегда не по себе, когда я встречаюсь с финансистами.

– И к тому же ты не дипломат, слишком уж прост для всяких интриг. Уверяешь, что согласен на любые компромиссы, но я-то тебя знаю: ты их озвучишь так, что они будут похожи на требования.

– Нет! Уверяю тебя, что сумею показаться сговорчивым.

Валер расхохотался и хлопнул брата по плечу.

– Ну ты и комик! «Сговорчивым»! Это тебе только кажется: в любой дискуссии ты сразу воспаляешься, повышаешь голос, размахиваешь руками, при необходимости обольстительно улыбаешься, но не уступаешь. Да и что с тебя взять – итальянец! Ладно, решено, я еду с тобой. И, кроме всего прочего, меня забавляет эта ситуация.

Лоренцо, очень довольный тем, что ему не придется воевать в одиночку с людьми, от которых зависел его бюджет, принял предложение Валера. Брат принадлежал к той редкой категории людей, от которых он соглашался принимать помощь, хотя, как правило, рассчитывал только на собственные силы. Он до сих пор корил себя за то, что попросил денег у Ксавье, хотя прекрасно знал, что ничего не добьется.

Он проводил глазами машину Валера, потом машину Анук и, наконец, сел в свою. Встреча с родными доставила ему огромную радость, однако он ни на минуту не переставал думать о грядущих проблемах. Управление парком и его будущее представляли собой настоящую головоломку, но это было смыслом его жизни.

Садясь за руль, он внезапно подумал о Жюли, о ребенке, которого она носит, и о счастье, которое испытывает – и разделяет с другим. Несколько часов назад, когда им пришлось зашивать раны детеныша гориллы, они работали вдвоем, в полном согласии, как друзья и коллеги. Лоренцо ценил помощь Жюли в сложных ситуациях, ему было приятно видеть ее рядом, даже если он и не требовал ее присутствия из уважения к Марку.

Однако он ясно понимал, что ему нужны не только ее профессиональные навыки. Ладно – через пять-шесть месяцев ему придется заменить ее другим ветеринаром, и тогда конец его недозволенным мыслям и душевным метаниям. Он направился было к своему домику, но в последний момент передумал и свернул на дорогу к парку, к тому месту, где действительно чувствовал себя

дома.

3

Жюли одолевал сон, а Марк все еще говорил и никак не мог остановиться. Полулежа на кровати, он держал на коленях ноутбук и переходил с сайта на сайт, выбирая наилучшие товары для младенцев: бутылочки с сосками, корзины-колыбельки, спальные мешки, различные модели «радионяни»... А перед этим долго перечислял имена для будущего ребенка, целую кучу имен, которые ему особенно нравились.

Жюли, конечно, был приятен его энтузиазм, но больше всего она хотела спать.

– А ты уверена, что выйдешь за меня только после рождения ребенка? – спросил Марк, заботливо укрывая ее одеялом.

– О, пока мы все это организуем, меня разнесет, как бочку, – пробормотала она.

– Ты все равно будешь хороша, как ангел.

– Но не смогу даже выпить бокал шампанского, и поэтому мой ответ – нет!

– Н-да... пить тебе действительно нельзя. Надеюсь, ты следишь за своим здоровьем? И, кстати, если тебе захочется мяса, не стесняйся, мне это не помешает.

Марк был вегетарианцем, и до того как Жюли сообщила ему о своей беременности, он пытался обратить ее в свою веру.

– Тебе следовало бы посоветоваться со специалистом по питанию или с твоим гинекологом, чтобы знать, какой режим лучше подходит при беременности.

Жюли, раздраженная его настойчивостью, ничего не ответила. В конце концов, она сама способна определить, что ей полезно, а что нет. А Марк продолжал:

– Я прочел кучу материалов на эту тему – что полезно и что вредно беременным женщинам. Например, им категорически противопоказаны запахи маникюрного лака и краски для волос.

– Я не пользуюсь ни тем ни другим.

– А еще есть некоторые лекарства, которые...

– Марк! Я ветеринар и прекрасно разбираюсь в фармакологии!

Если он продолжит в том же духе, она уже не сможет заснуть. А ей и без того было трудно: ее замучили утренние рвоты, и как она ни старалась их игнорировать, они заставили ее два дня назад выбежать из операционной комнаты ветеринарной клиники. Сегодня ей без проблем удалось помочь Лоренцо с раненым детенышем гориллы, но в конце концов он заметит эти ее приступы. Неужели ему придется искать ей замену раньше, чем положено? Жюли не имела никакого желания сидеть одной в четырех стенах, думая о том, что происходит сейчас в парке. Она любила свою работу, у них с Лоренцо сложился прекрасный профессиональный тандем, и ей ужасно не хотелось расставаться со всем этим. Конечно, в конце концов придется уйти, но чем позднее, тем лучше.

Она уже закрыла глаза, но тут Марк нежно обнял ее и начал ласкать. Грядущее отцовство преисполнило его гордости и счастья, но при этом породило и смутную боязнь. Узнав о том, что у них будет ребенок, он, прежде такой спокойный, такой серьезный и выдержанный, теперь чувствовал себя уязвимым, донимал Жюли советами, а его «разрешение» есть мясо, если ей захочется, выглядело совсем уж излишним. Они часто спорили по этому поводу: Марк не понимал, как она, при всей своей любви к животным, может их есть. Жюли соглашалась с его логикой, но при этом вовсе не собиралась отказываться от хорошего бифштекса из вырезки с луковой подливкой. Она, конечно, признавала, что эта тема требует более углубленного обсуждения, но пока не хотела прислушиваться к его аргументам. Причина была в том, что Жюли обнаружила в Марке склонность к авторитарным решениям и поэтому не желала соглашаться с ним в ста процентах случаев. Она была свободной, независимой женщиной, до сих пор отношения с Марком доставляли ей только счастье, ей казалось, что они «настроены на одну волну», что их объединяет идеальная гармония, но в последнее время в эту гармонию вкралось несколько фальшивых ноток. Неужели ее ослепила влюбленность? Неужели она поспешила с

намерением родить ребенка от мужчины, которого знала всего несколько месяцев? Увы, теперь уже поздно задавать себе такие вопросы – думать следовало раньше.

– Любовь моя... – прошептал Марк ей на ухо. Жюли любила его низкий голос и его доброжелательность, восхищалась тем, как умело он руководил бригадами смотрителей или группами стажеров. Однако со временем она стала улавливать в нем какую-то скрытую горечь. Он старался не выказывать ее, но было ясно, что ему хочется обладать авторитетом и положением Лоренцо. Жюли как можно деликатнее расспросила его об этом, и он в конце концов признался, что сожалеет о своем позорном провале на конкурсе в ветеринарной школе, из-за которого ему пришлось выбрать другой путь. И это горькое разочарование, почти незаметное со стороны, до сих пор не давало ему покоя.

Но сейчас Жюли не хотелось об этом думать; она прильнула к Марку и попыталась заснуть.

* * *

В понедельник к середине дня Валер, как и было решено, привез мать, Летицию и Яна в аэропорт Женевы, затем поехал в деловой квартал города, на улицу Хессе, и пообедал в «Кафе де Банк», раздумывая о стратегии защиты интересов брата.

Собрание вкладчиков парка Дельмонте, в числе которых были представители одного солидного банка, чиновники департаментского и регионального советов, швейцарский бизнесмен и двое юристов, состоялось в частном салоне отеля «Бристоль». Валер, как всегда, уверенный в себе и крайне учтивый, произнес блестящую, безупречно аргументированную речь в защиту парка, слегка непохожего на другие. Отличиться от конкурентов, вызвать интерес публики, направить усилия на защиту важных экологических проектов, доказать преимущество больших природных пространств, на которых свободно обитали бы все виды животных, охраняемых законом, – вот на что должно было ориентироваться руководство зоопарка. Валер подчеркнул также значение другого проекта – суточного пребывания в парке семейных посетителей, что требовало незамедлительного строительства деревянных шале, готовых принять таких гостей. Затем он подчеркнул важность привлечения иностранных, но достаточно близко живущих туристов – швейцарской и итальянской публики.

А в заключение своей речи, подбавив лирики, объявил, что парк Дельмонте, который еще далеко не исчерпал свой потенциал, когда-нибудь заслужит название «Дикая природа», что окончательно сделает его флагманом всех зоопарков мира. И все это благодаря его директору – Лоренцо, который, отнюдь не будучи мечтательным Дон Кихотом, понял раньше своих собратьев по профессии всю важность перемен в общественном мнении и нежелания посетителей смотреть на диких животных, превращенных в цирковых собачек. Перед тем как сесть, он, словно невзначай, напомнил собравшимся, что если бы Лоренцо не имел возможности вкладывать в свое дело личный капитал, он, конечно, любезно передал бы свою землю в распоряжение общества по эксплуатации парка, что позволило бы запустить этот проект, не обременяя бюджет вкладчиков. И последнее: что касается зарплаты Лоренцо как директора и ответственного за работу парка, он не просит в этом году никакой прибавки для себя лично.

Эта речь стала сюрпризом для всех присутствующих, но особенно для самого Лоренцо. Он не мог надивиться тому, как блестяще его брат продемонстрировал столь глубокое понимание проблемы и буквально на пустом месте развернул величественную перспективу развития парка. Особенно его восхитил призыв к ориентации на иностранных посетителей – крайне убедительный довод в пользу проекта. Но больше всего Лоренцо тронуло то, что Валер искренне проникся философией брата, со всеми ее умолчаниями и этическими проблемами.

– Ты выступил потрясающе, я никогда не смог бы так ясно сформулировать свои планы! – восторженно сказал Лоренцо, когда братья вышли из «Бристоля».

– Да нет, смог бы, только распахивался бы при первом же возражении. И потом, это ведь моя специальность – быть советником и уметь убеждать. А твое дело – заниматься зверями; административная сторона работы тебе противопоказана. Ты не...

Но тут позади раздался оклик:

– Подождите!

Обернувшись, братья увидели молодую женщину, представлявшую сегодня региональный совет.

– Я хотела вас поздравить, господа, – сказала она с очаровательной улыбкой. – Мне кажется, вам обоим сегодня удалось убедить всех вкладчиков. Собрание и вправду отнеслось к вам вполне доброжелательно. И я этому рада, так как с самого начала была убеждена в полезности такого парка для нашего региона. Не хочу ничего обещать, месье Дельмонте, но думаю, что вы получите требуемый кредит.

– Зовите меня, пожалуйста, Лоренцо, – попросил он, не замечая, какое сильное впечатление произвел на эту особу.

– Хорошо. Тогда я – Сесиль. Не хотите ли выпить кофе, чтобы оправиться от пережитых волнений?

Валер тайком ухмыльнулся: он отметил, что женщина обращается к одному Лоренцо; тем не менее они направились к ближайшему бару все втроем.

– Я, конечно, много раз посещала ваш парк, и мне это никогда не надоедает! Думаю, что наведаюсь туда снова, когда будет проходить совещание с архитекторами.

Они сели за столик, и кажется, только теперь Сесиль заметила присутствие Валера.

– Вы – превосходный советник, месье Кавелье! И хотя вы воздержались от подробностей, теперь мы благодаря вам получили полное представление о зоопарке, притом в самый короткий срок.

Лоренцо, решив избежать возможной неловкости, объяснил:

– Валер – мой сводный брат, он был так добр, что решил мне помочь.

– Ах, вот как...

Молодая женщина переводила взгляд с Лоренцо на Валера, и было видно, что она не находит между братьями никакого сходства. Они еще немного побеседовали о парке, затем она попрощалась, явно с сожалением, не забыв вручить Лоренцо свою визитку.

– По-моему, эта красotka положила на тебя глаз! – с хохотком воскликнул Валер, когда Сесиль ушла. – Неужели ты ее не заметил на предыдущих собраниях?

– Знаешь, я всегда так напрягался во время дискуссий о деньгах, что не обращал внимания ни на нее, ни на всех остальных.

– А жаль: она единственная хорошенькая женщина среди акционеров.

– Ты считаешь ее хорошенькой?

– Обожаю высоких блондинок с длинными волосами. Кроме того, она элегантно одевается, и ее макияж безупречен.

– Все это слишком сложно для меня.

– Ну конечно, это же не Жюли! Кстати, мама рассказала мне про свой ляп, она ужасно огорчена.

– Ну, она же не могла знать...

– Сам виноват: ты ей ни слова не сказал об этом. Зачем ты взял Жюли в свой парк?

– Мне хотелось работать вместе с ней.

– Ой, не смей меня! Тебе просто хотелось, чтобы она была рядышком.

– Да... Но я напрасно воображал бог знает что, она мною больше не интересуется. А теперь она ждет ребенка и собирается замуж за моего старшего зрителя.

Несколько секунд Валер пристально смотрел на брата, потом сказал, слегка скривившись:

– По-моему, тебе это все еще не безразлично. Я думаю, им обоим лучше было бы не работать здесь.

– Но Марк прекрасный специалист, и ему тут нравится.

– Найди какое-нибудь решение. Эта ситуация тебе явно вредна. И послушай моего совета: займись-ка ты этой Сесиль, которая строит тебе глазки.

– Ты так думаешь?..

– Лоренцо! Я не понимаю, почему в твоей жизни нет женщин. Ты же всегда им нравился, всем подряд, – я помню, как меня это восхищало. И ведь ты даже короткие интрижки ни с кем не заводишь – смотри, пропадешь ни за грош! Если все дело в Жюли, надо покончить с этим раз и навсегда, забыть ее, как будто ничего не было.

– Можешь не волноваться, она собирается уехать отсюда.

– И чем раньше, тем лучше.

Лоренцо усмехнулся, и это уязвило Валера.

– Ладно, я больше не собираюсь давать тебе советы, – проворчал он.

– Да нет, можешь продолжать, малыш, я охотно им последую. Особенно принимая во внимание твою сегодняшнюю речь мудрого советника. По крайней мере, твои деловые соображения я принимаю целиком и полностью. А уж остальное предоставь мне решать самому, хорошо?

Выйдя из бара, они направились к машине Валера.

– Будь осторожнее на дороге, – попросил Лоренцо.

Он знал, что брат водит быстро, и это его беспокоило. Несчастный случай, стоивший жизни его отцу, навсегда запечатлелся в детской памяти Лоренцо и теперь не позволял ему лихачить за рулем. Направляясь к парковке, где стояла его машина, он нащупал в кармане визитку Сесиль Леруа и стал машинально вертеть ее в пальцах.

* * *

– Уверяю тебя, это замечательное место! – настаивала Мод. – Мы все в полном восхищении, и я, и дети, даже Анук – а ведь она не так уж любит животных. Ксавье, ну почему бы тебе не посетить этот парк хотя бы один раз, только один!

– Не понимаю, зачем мне тратить время на вещи, которые меня совершенно не интересуют.

– Ну, например, для того, чтобы убедиться в успехе Лоренцо. Ты предсказывал ему разорение, а он уже в двух шагах от успеха.

– Будущее покажет. А в настоящее время он скорее в затруднительном положении и, если я правильно понял, сильно нуждается в деньгах. Парк Дельмонте – это пока еще не Боваль[12 - Боваль – французский зоопарк в департаменте Луар-э-Шер (центральный регион Франции).], насколько мне известно!

Ксавье произнес последнюю фразу не только с презрением, но еще и с ехидным смешком, и это особенно обидело Мод.

– Ты, как всегда, судишь предвзято.

– А ты, как всегда, восхищаешься всем подряд.

Мод подняла глаза к потолку, потом холодно посмотрела на мужа. Этот строгий взгляд заставил Ксавье смягчиться:

– Послушай, моя дорогая, я знаю, что ты считаешь меня жестоким, тогда как я просто-напросто обеспокоен. Лоран ввязался в авантюру, которая кажется мне крайне рискованной. И даже если он как-то выпутается, она займет у него всю жизнь, выпьет всю кровь. А кроме того, скажу тебе честно: мне неприятно видеть зверей, посаженных в клетки, словно в тюрьму.

– В тюрьму?! Что за бред! У них там полно места, они ходят, куда хотят.

– Действительно? Неужели ты думаешь, что хищник может довольствоваться какой-нибудь тысячей квадратных метров, тогда как в саванне он пробегает огромные территории?

– Территории, которые сокращаются по всей планете, как шагреновая кожа.

– И это доказывает, что крупные хищники или слоны с носорогами лишены своих ареалов.

– Ты хочешь, чтобы они совсем вымерли?

– Но вот вымерли же динозавры! Это естественная эволюция. Нельзя предпочитать животное человеку. А ведь население планеты растет, и людям требуется все больше и больше места, чтобы где-то жить и чем-то кормиться. Поэтому держать зверей за решетками ради так называемого сохранения исчезающих видов не только бессмысленно, но и жестоко.

– Не могу согласиться. Любое живое существо наверняка предпочтет сытую жизнь в тюрьме, а не смерть. И вообще, не понимаю, зачем я с тобой спорю. Как только речь заходит о Лоренцо, ты притворяешься глухим. Если бы он решил стать священником, ты наверняка восстал бы против религии, а если бы пошел работать в полицию, обозвал бы продажным типом. Не забывай, что он – мой сын, и я им очень горжусь.

Спор супругов в очередной раз завел их в тупик. Мод горько пожалела, что не скрыла от мужа свое хорошее настроение, вернувшись с уик-энда, который привел ее в полный восторг. Ксавье мог отреагировать на это только отрицательно.

– Лоран наверняка воображает, будто он стоит на защите благородного дела, я в этом уверен, – бросил он с пренебрежительной гримасой.

– Разумеется. Это и есть правое дело.

– Но безнадежное.

Однако гнев Мод уже слегка улегся. К чему эти дебаты – ведь ее похвалы в адрес Лоренцо все равно не заставят Ксавье полюбить пасынка. Лучше уж держать при себе горячую любовь к сыну и восхищение его работой. К тому же она действительно восторгалась парком. Каждый год она обнаруживала там перемены, нововведения и понимала, что это станет для Лоренцо делом всей его жизни – прекрасной жизни, приносящей пользу.

– Хочешь, пойдем сегодня вечером в ресторан? – предложил Ксавье.

Как правило, он не брал на себя организацию их развлечений, но сейчас чувствовал себя слегка виноватым и надеялся таким образом заслужить прощение.

– Хорошая мысль, – милостиво одобрила Мод.

В ресторане муж начнет рассказывать ей свои аптекарские истории, и уж они-то, конечно, не приведут к спорам.

* * *

Лоренцо поднял ружье-инъектор и стал ждать, когда тигр повернется к нему боком. Он прицелился ему в ляжку и наконец выпустил дротик со снотворным. Почувствовав боль, зверь прыгнул на решетку, выпустив острые когти, но упал. Затем поднялся, начал метаться взад-вперед и, наконец, лег на землю.

– Его нужно чем-то отвлечь, – скомандовал Лоренцо, – я не хочу, чтобы он выдернул дротик, а то, не дай бог, еще проглотит его.

Марк, стоявший рядом, начал барабанить по решетке, стараясь привлечь к себе внимание зверя.

– Снотворное подействует минут через десять, – уточнил Лоренцо, – а когда он заснет, нужно действовать очень быстро.

Тигр, лежа в глубине загона, пристально следил за людьми, готовый к обороне, а его смотритель мягко говорил с ним, стараясь успокоить:

– Все хорошо, Могамбо, все хорошо...

– Какие у него великолепные зеленые глаза, – отметил Лоренцо.

– Его самка, видать, не оценила его красоту, иначе не порвала бы его так жестоко.

И в самом деле, рана на плече тигра была очень глубокой, ее требовалось прочистить и зашить, чтобы избежать заражения крови.

– Он хотел напасть на малышку Венди, – пожаловался служитель.

Лоренцо обернулся к Марку и твердо заявил:

– Их слишком рано посадили в общий загон.

Он хорошо помнил, что это именно Марк настаивал на объединении тигриной семьи, и в результате все обернулось скверно.

– Тигры-самцы лишены отцовского инстинкта, – напомнил он. – Для Могамбо тигренок стал препятствием между ним и его самкой, он ему мешал, а значит, считался добычей и рисковал быть съеденным. Тигрица это знала и защитила своих детенышей. Больше не сажайте их вместе.

– Так кого же и куда мы запрем? – строптиво осведомился Марк.

– Будем переводить их в другие места по очереди. В любом случае скоро достроят новый загон, и как только в водоем подведут воду, Могамбо первым сможет туда переселиться.

Несколько месяцев назад Лоренцо начал обустройство нового участка для тигров, где планировалось создание большого водоема – там звери могли бы свободно плавать. А пока эти хищники внушали ему тревогу: он видел, как они неустанно ходят взад-вперед, без всякой цели, вдоль решеток, приоткрыв пасть, что было признаком стресса. Собрав ветеринаров, он попросил их придумать что-нибудь с целью развлечь тигров, при этом не нервирова их. Тогда в загонах надстроили помосты из деревянного кругляка и стали выше подвешивать

мясные туши.

– Попробуем еще раз свести их вместе, но только когда малышам исполнится шесть месяцев, – объявил Лоренцо.

Он снова взглянул на тигра – тот завалился набок. Посмотрев на часы, Лоренцо повернулся к Жюли:

– Скоро можно будет войти. Ты готова?

Несмотря на явный страх перед хищниками, Жюли предложила Лоренцо помощь. Поэтому она решительно кивнула и попыталась улыбнуться. Лоренцо взял длинный шест, просунул его между прутьями решетки и дотронулся кончиком до тигриного бока, потом до шеи и уха; никакой реакции не последовало.

– Пошли!

К счастью, тигр лежал на «нужном» боку, так что его рана была хорошо видна.

– Ну, слава богу, не придется хотя бы его переворачивать, – заметил Марк, он прошел на участок после обоих ветеринаров, явно тревожась за Жюли. И не спускал с нее глаз, пока она стояла на коленях рядом с Лоренцо. Они начали работать.

– Сперва продезинфицируем рану, потом проверим, насколько она глубока, и ты ее зашьешь, – предложил Лоренцо.

Непосредственная близость к зверю внушала Жюли страх, но она крепилась и не показывала его, действуя уверенно и решительно.

– Он похож на огромную плюшевую игрушку, если не считать запаха, – проговорила она сквозь зубы.

Лоренцо усмехнулся и посоветовал:

– Делай стежки потуже, они должны держать ткани до тех пор, пока нитки не рассосутся. Перевязки тут бесполезны, он их сорвет.

О том, чтобы усыплять тигра еще раз, не могло быть и речи, вторичная анестезия могла повредить животному. Лоренцо снова обернулся и посмотрел на Марка: тот не спускал глаз с Жюли.

– Забери ненужные материалы, – попросил он. – И как только Жюли закончит, я введу ему антидот[13 - Антидоты (от греч. antidoton, букв. – даваемое против) или противоядия – химические соединения, способные обезвреживать попавшие в организм яды или анестезирующие средства.], чтобы разбудить. После этого сразу же все выходим, он может проснуться очень быстро...

Он сделал укол, все дружно вышли наружу, и решетку тут же заперли.

– Прекрасная работа, детка! – одобчительно сказал Лоренцо Жюли.

Тигр уже зашевелился и попытался встать.

– Я еще подожду здесь и присмотрю за ним, – предложил один из зрителей.

– Ладно. Выглядит он неплохо, но если что-то пойдет не так, просигналь нам.

Лоренцо поднял было руку, собравшись дружески обнять Жюли за плечи, но вовремя остановился. Марк, так неотрывно следивший за ней, мог превратно истолковать этот жест. Его поведение вообще постепенно менялось, словно он хотел отдалиться от Лоренцо. Так что лучше теперь пореже обращаться к услугам Жюли. У нее вполне хватает своей работы, а если Лоренцо понадобится помощь, он всегда может вызвать третьего ветеринара парка. Да, он ни в коем случае не должен создавать для Жюли проблемы, которые омрачили бы ее личную жизнь.

– Ну, видел? – весело спросила Жюли. – Никакой утренней тошноты, с этим покончено!

– Ты все-таки побереги себя, – буркнул Марк.

– Я не больна, – отрезала Жюли.

Она подождала, когда Лоренцо уйдет, и добавила:

– Перестань обращаться со мной, как с ребенком, особенно в присутствии посторонних.

– Да я и не собирался. Просто забочусь о тебе.

Он обиженно отвернулся и зашагал прочь. Жюли отвергала все его заботы, сердилась, когда он пытался оградить ее от какой-нибудь опасности, хотя часто забывала об осторожности, необходимой при ее состоянии. Но почему Лоренцо попросил ее ассистировать ему, хотя знал о ее боязни хищников? Могамбо, даже усыпленный, выглядел довольно грозным. Однако Жюли твердо решила преодолеть свои последние страхи – сегодня ей хотелось водить дружбу чуть ли не со всеми животными зоопарка, включая волков, – и крупные хищники стали ее последней победой над собой. И все же – почему Лоренцо позвал ее именно сегодня, почему бы ему не подождать, когда родится ребенок? Марк питал такие надежды на его появление, что считал дни.

Направляясь к слоновнику, куда его вызвал ветеринар, Марк раздумывал о Лоренцо. Симпатия и уважение, которые он испытывал к нему с самого начала работы в парке, сейчас начали слабеть. Когда Жюли заявила, что хочет выбрать Лоренцо в крестные их первого ребенка, Марк, конечно, согласился, но при этом у него слегка сжалось сердце. Он не ревновал Жюли к ее прошлому, но знал, как дорог был ей Лоренцо. От Марка не укрылись их переглядывания, их согласованные действия, всё, что позволяло им мгновенно понимать намерения друг друга. Кроме того, Лоренцо – по отзывам всех знакомых девушек – был очень привлекателен; даже Марк как мужчина не мог этого отрицать. Тем не менее Лоренцо этим не пользовался, никаких сплетен о нем на этот счет не возникало; если он и заводил какие-то интрижки, то лишь за пределами зоопарка. Да и как он мог бы выбрать для них время, если работал с утра до ночи, а иногда еще и с ночи до самого утра?!

Марк чувствовал, что раздражен, и это его угнетало. Неужели он превращается в злобного ревнивца? Скоро он станет отцом семейства, и ничто не должно омрачать его счастья! Жюли в конце концов прислушается к его советам и начнет вести себя осторожнее, а Лоренцо наверняка станет идеальным

крестным. Нервозность, вызванная беременностью Жюли, несомненно, объясняется тем, что здесь, в парке, ему иногда случалось наблюдать трудные роды. Мертворожденный волчонок, неправильно лежавший детеныш жирафа, который не смог выйти на свет божий, двухдневный медвежонок, задавленный своей уснувшей матерью... Разумеется, глупо проводить параллель между животными и женщиной! Все будет хорошо – при условии, что Жюли научится беречь себя... Но тут раздумья Марка прервало попискивание рации, постоянно лежавшей в одном из его многочисленных карманов. Это был уже второй вызов ветеринара, находившегося в слоновнике, где, видимо, возникла какая-то проблема. И Марк, отложив личные заботы на потом, ускорил шаг.

* * *

Сесиль решила начать с непродолжительного посещения зоопарка инкогнито перед тем, как отправиться на поиски Лоренцо. Даже притом что этот человек интересовал ее лично, она не забывала о своих обязанностях в региональном совете. Конечно, такой анонимный визит мог быть расценен как незаконная проверка, которую ей никто не поручал; на самом же деле она не могла удержаться от искушения еще раз увидеть Лоренцо. В каком-то смысле она соединяла приятное с полезным, убеждая себя в том, что ее должность в региональном совете оправдывает эту инициативу.

Ласковое осеннее солнце согревало ноябрьский день, и прогулка вдоль загонов с животными обещала быть приятной. Сесиль воспользовалась этим, чтобы сделать несколько снимков на смартфон, добавив к ним устные комментарии по поводу очевидных достоинств парка. И действительно, аллеи были аккуратно подметены, лужайки перед зданиями тщательно подстрижены, указатели вполне доходчиво объясняли посетителям, куда идти. Лоренцо обо всем позаботился в своем парке. Ах, Лоренцо... Лоренцо Дельмонте... Когда о его досье впервые зашла речь на комиссии, она не обратила на него особого внимания, просто констатировала, что проект представляет интерес для их региона, поскольку он касается экологии и туризма. Она не присутствовала на первом заседании, но до нее дошли многочисленные слухи. Одна из секретарш рассказала ей: «Такой красавчик, и к тому же обаятельный, ну просто умереть не встать!» Ничего себе! Сесиль позабавил и заинтересовал этот отзыв, и она не преминула посетить второе заседание, а там и все последующие. Сесиль привыкла к тому, что мужчины обращают на нее внимание, однако Лоренцо всего лишь вежливо и рассеянно улыбнулся ей. Она же не сводила с него глаз, думая при этом: «И правда – умереть не встать!» Сесиль всегда нравились

блондины, но теперь ее покори́л этот голубоглазый брюнет с матовой кожей мужественного лица. Решив ускорить события, она без колебаний пошла следом за ним; это случилось в Женеве несколькими днями раньше. Человек, сопровождавший Лоренцо – как потом оказалось, его брат и советник, – выглядел опытным соблазнителем, но Сесиль хотела понравиться вовсе не ему.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Бальме – коммуна на севере Италии, в окрестностях Турина. Прим. перев.

2

Юра?(фр. Jura) – департамент и горный массив на востоке Франции, в регионах Бургундия и Франш-Конте. Здесь и далее прим. перев.

3

Noman'sland (англ.) – ничейная земля.

4

Шёнбрунн – основная летняя резиденция австрийских императоров династии Габсбургов, находящаяся в западной части Вены. Там расположен самый старый в мире зоопарк.

5

Альфорская Национальная ветеринарная школа в г. Мезон-Альфр, в 9 км от Парижа.

6

Французское белое сухое вино, богатое сложными ароматами.

7

Соответствует принятой в России ученой степени кандидата наук.

8

Ивелин (фр. Yvelines) – департамент на севере центральной части Франции.

Гран-Парадизо (в переводе с итал. – Большой Рай) – один из самых грандиозных и значимых национальных парков горной части северной Италии.

10

Конте (Gruyere de Comte) – сорт французского сыра из непастеризованного коровьего молока.

11

Нормандская тарелка – ассорти из морепродуктов (или других местных блюд).

12

Боваль – французский зоопарк в департаменте Луар-э-Шер (центральный регион Франции).

13

Антидоты (от греч. antidoton, букв. – даваемое против) или противоядия – химические соединения, способные обезвреживать попавшие в организм яды или анестезирующие средства.

Купить: https://tellnovel.com/ru/burden_fransuaza/rayskoe-mesto

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)